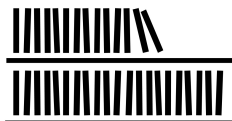

Владимир Ермолаев

семь дней с Заратустрой

Культурная революция
Москва, 2016

**НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС**

Ермолаев В.К.

Е74 Семь дней с Заратустрой. – М.: Культурная революция, 2016. – 140 с. ISBN 978-5-902764-70-0

Рижский поэт В.К. Ермолаев был номинирован на премию Андрея Белого в 2011 году. Его новая книга представляет собрание оммажей Фридриху Ницше и является не только поэтическим осмыслением, но и в какой-то степени поэтическим исследованием судьбы и творчества немецкого мыслителя. Среди циклов, посвященных Ницше – своеобразное продолжение «Заратустры», а также диалоги Ницше с Хемингуэем.

Редактор И.А. Эбаноидзе

© В. Ермолаев, 2016

© И. Бернштейн, оформление, 2016

© Культурная революция, 2016

содержание

костер в октябре	7
костер в октябре 7 Фридриху Ницше	
и его записной книжке 8 одиночество Ницше	11
слова в движении 12 под ореховым деревом	13
солдат пуля сумерки	13
великий разрыв	14
великий разрыв 14 счастье и познание 15	о боли 16
взламывающая лед	17
молчаливый 17 взламывающая лед 18	единственный мир 18
видеть невидимое 19	
совершенный нигилист	20
совершенный нигилист 20	тирания слабых 21
способы одурманить себя 21	слово сильного 22
власть истощенных 23	неудачные люди 23
время бедных 25	нигилистическая катастрофа 25
в ожидании Гулливера	26
обесцененный мир 26	разочарование в цели 26
снятые чары 27	Да и Нет 28
в ожидании Гулливера	28
стадия хризалиды	30
все превосходно 30	приветлив со всеми 31
близко к морю и еще ближе к лесу 32	стадия хризалиды 32
одинокий в поисках уединения 33	вынужденная роскошь 33
спрятанный бог	34
Solar Impulse 34	расчетливое гостеприимство 34
два одиночества 35	как становятся отшельниками 36
взгляды, обращенные на тебя 37	спрятанный бог 38

участь Диониса	41
привычка чувствовать себя лилипутом 41 философ и человек 41 философия ночи 42 падение 43 есть вещи важнее 43 эlegantность прежде всег 44 вступить за лошадь 45 усы Ницше 46 участь Диониса 47	
дела и вера.....	48
дела и вера 48 планета Глизе 667 Сс 49 вечерний разговор 50 препятствия на пути 51 львы и панды 52 цветы и власть 53 дурные привычки 54 лучшие садоводы 55 наслаждение утонченного 56 о манерах 57 повторение 57 Ницше уходит 58	
в своем кругу	59
приглашение на концерт 59 отвергнутое предложение 59 неизвестный Ницше 60 круг общения 61 Ницше рекомендует 61 никаких исключений 62 одиночество бесстрашных 62 доверие к музыке 63 видимость обманчива 63 выбор Ахилла 64 вечер на бивуаке 65 благородная зависть 65 человек тени 66 лучшее лекарство 68 все бесполезно 68 апология 69 танец 69 в своем кругу 71 восхищаться и презирать 71 вилла на берегу 72 отмена полета 72 время для смеха 74 бессонница говорит 75 скверные времена 75 странное предположение 77	
семь дней с Заратустрой.....	79
день первый 79 день второй 80 день третий 81 день четвертый 82 день пятый 83 день шестой 84 день седьмой 85	

смех издалека	86
предложение помощи 86 проводник навсегда 87	
два вопроса 88 возвращение Заратустры 88	
Оглянись! 89 великая мысль 90 случай	
на дороге 91 время заката 92 старые знакомые 92	
беглецы 93 праздник 93 близко к полуночи 94	
сила без границ 95 шутка 96 на лугу 97	
о листьях 98 слова бесполезны 99 смех издалека 99	
остановка в пути 100 вопрос об островах 100	
неожиданный обмен 101	
приближается неизвестный	102
приближается неизвестный 102 встреча в Турине 102	
альпинисты 104	
посылка	105
руки Папы 105 великий стиль 105 застать	
врасплох 106 посылка 106	
три филистера	107
три филистера 107 почему Ницше плакал 109	
три мушкетера в ожидании Кафки 110 обезьяна	
Ницше 111	
реальность и крик	113
реальность и крик 113 речь и молчание 113	
post mortem 114 богатый ассортимент 115	
116 примечания	

семь дней с Заратустрой

костер в октябре

костер в октябре

хорошо развести костер
на опушке леса

смотреть на пинии вереск
на беспокойное пламя

и ждать когда из леса
выйдет Ницше

сядет рядом
и будет смотреть
на живое пламя
на вереск на горы

и думать о благодати
позднего лета
грезить о Греции

хорошо помолчать
вместе с Ницше
тихим октябрьским днем

на перевале Готард
у Генуи

Фридриху Ницше и его записной книжке

I
осень культуры
похожа
на пожар в Лувре
на закат в Сорренто
на красные астры
на большой букет
диких гвоздик

на боль
глубже которой
нет никакой боли

2
яснее всего цену
обычной морали
понимаешь на
вершине горы

твое снежное чутье
распознает фальшь
всего теплого

нравственность
высокогорья

нравственность которую
можно обрести лишь
карабкаясь по склону

рискуя жизнью

3
посередине между
севером и югом
весной и зимой
рассветом и закатом
прекрасный замок
в сиянии солнца

чувство
монументальности

видеть все

4
если хотите
чтобы я улыбнулся
расскажите мне о своих убеждениях

5

когда нет цели
все теряет значение
даже здоровье
ибо его не к чему
применить

6

кататься на коньках
гулять в ночном саду
облитом лунным светом
играть на скрипке
для прохожих
и все заработанное
пускать на ветер

вот она молодость
вот они счастливые
дни

7

быть сыном священника
и рано увидеть изнанку
священничества все то
что скрывает от других
внешний вид

искать Бога в темноте
и сиянии

в диалектических спорах
и рассуждениях

в далеких звуках органа

и не найти

8

в семь лет потерять
свое детство

а в двадцать снова
его обрести

там под Бонном

где Липпе впадает в Рейн

одиночество Ницше

в глубочайшем одиночестве
писать книги проникнутые
духом одиночества

радоваться только одному
дружескому соединению
одиноких слов

любить свое одиночество
и ухаживать за ним
как ухаживают за садом

слова в движении

говорить легко,
как во время прогулки с самим собой.

свободное дыхание,
непринужденные жесты,
мысли похожие на луговые цветы.

слова в движении.

под ореховым деревом

под зеленым ореховым деревом
словно принц Гаутама под фигой
бездомный Ницше на минуту верит
что и он может быть счастливым

солдат пуля сумерки

солдат, заблудившийся в сумерках,
встречает пулю –
и радуется ей как единственному проводнику.

великий разрыв

великий разрыв

не повзрослеешь пока не порвешь со всем что прежде любил чем жил в чем находил убежище

пока не станешь странником во времени и пространстве пока не станешь свободным умом не сделаешься властелином своих чувств и привязанностей

не поймешь что не «иное» возбуждает твою любовь а ты сам даришь свою любовь «иному»

пока не освободишься от пут которыми тебя связывали прекрасное и благое

пока не узнаешь озноб одиночества не проведешь долгие годы среди снегов на горах закаляя волю и укрепляя ум

повзрослев ты можешь спуститься вниз и мир откроется тебе заново в своей красоте и нежности перестанет быть врагом превратится в ручного зверя

тогда ты узнаешь что такое счастье и подлинное здоровье
откроешь для себя связь жизни и несправедливости
поймешь значение перспективы увидишь дорогу по
которой можно идти всю жизнь

тогда для тебя настанет полдень вечный полдень
незаходящее солнце встанет над твоей головой а по
сторонам раскинется холодное беззвездное небо

счастье и познание

есть люди счастья и есть люди познания. первые все
оценивают с точки зрения счастья, вторые – с точки зрения
истины. для первых истинно то, что утешает, возвышает,
помогает переносить жизнь. для вторых истинно то, что
истинно, каким бы оно ни было, очаровывающим или
разочаровывающим. хотя истина разочаровывает всегда.
истина, по определению, – то, что противоположно чарам.
и точно так же противоположны друг другу два типа
людей: те, что жаждут очарования, и те, что избегают его,
стараются жить трезво, в мужественной надежде увидеть
вещи такими, каковы они есть. их немного и никогда
не будет много – и это одна из тех «нечеловеческих» истин,
с которыми они научились жить.

о боли

боль похожа на дальнего родственника, о котором вспоминаешь, лишь когда он неожиданно является к тебе в гости, и с облегчением забываешь, как только он уходит. а ведь должно быть иначе – боль должна быть фоном всех твоих мыслей: только тогда твои мысли получают правильные очертания и оттенки. забывая о боли, ты кладешь краски без грунта, строишь без основания. боль – это отвес, уровень и лекало. она так же необходима страннику в мире идей, как обычному туристу – платежная карточка и страховка.

ВЗЛАМЫВАЯ ЛЕД

МОЛЧАЛИВЫЙ

Первое, чему следует научиться, – это молчание. Если научишься молчать, жить станет гораздо легче: никто превратно не истолкует сказанное тобой, никто не воспользуется твоими словами, чтобы оклеветать тебя. Молчаливый, одинокий, ты пролетишь по жизни, словно комета. Если окружающие что-то и заметят, то лишь твое сияние. Но, скорее всего, они не заметят и этого. Ты промелькнешь между ними неопознанным летающим объектом. И это – лучшее, что может произойти с человеком вроде тебя. Все остальные варианты намного хуже. Учись молчанию, упражняйся в нем без усталости. Пользуйся каждой возможностью промолчать, когда слово просится на язык. Со временем молчание станет твоей привычкой, и тебе не нужно будет напрягать волю, чтобы обращать всякую рождающуюся речь вовнутрь. Она будет обращаться сама собой. Ты станешь господином своего молчания и своей речи. И тогда, в награду, взамен всех утраченных собеседников ты обретишь единственного и самого лучшего собеседника – самого себя.

взламывая лед

В этой северной стране море затянуто льдом, льдины покрыты снегом. Здесь стоит вечная ночь – синий шатер, озаренный сполохами Северного сияния. Но кто презирает мир и покой, тот презирает и роскошь. Он презирает звезды, кометы и все эти атмосферические фейерверки. Он прокладывает путь во льдах, словно франклиновский «Эреб». Непослушный брат Ночи, он любит одну только Истину. Ради нее он готов взломать все льды, совершить невозможное. Он готов на все, чтобы услышать ее голос, увидеть ее лицо, пусть даже оно будет безобразным и страшным, словно лицо Аида.

единственный мир

Нет мира, кроме этого мира: никаких свертонких миров, никаких валгалл, никаких райских куш.

А теперь неси этот мир.

Не правда ли: два мира нести легче?

видеть невидимое

Ласточки и стрижи – существа, которые последними видят ушедшее за горизонт солнце. Философ – это большой быстрый стриж: в сумерках он поднимается высоко-высоко и видит то, чего не видят другие люди.

совершенный нигилист

совершенный нигилист

Твой нигилизм недостаточно совершенен, если ты дорожишь своим детством, сентиментальностью своего детства, его «моральностью», его верой в «злое» и «доброе», его раскаянием и слезами, его радостью обновления, его стремлением к исправлению. Позволь этим воспоминаниям пойти ко дну, словно брошенная монета, выцвести, словно забытые транспаранты, осыпаться, словно ветхая стена. Тогда твой нигилизм сделается полнее; он сделается совершеннее. Но он будет еще недостаточно совершенным, недостаточно полным. Чтобы завершить начатое, ты должен проделать то же самое в отношении культуры: пренебречь всем прошлым человечества так же, как ты пренебрег прошлым своего «я». Тогда ты достигнешь цели: станешь совершенным нигилистом; твой нигилизм будет полным, как високосный год.

тирания слабых

Слабые люди тиранизируют сильных с помощью техники. Началось это еще в средневековье: пушки и ружья против мечей и щитов. Сегодня на службе у слабых вся мощь индустрии, включая индустрию масс-медиа. Они тиранизируют сильных повсюду. Они внушают сильным, что у человека нет и не может быть других потребностей, кроме тех, которые свойственны слабым, – нет и не может быть других критериев оценки, кроме тех, которыми пользуются слабые, – что ценность чего угодно измеряется числом прослушавших, посмотревших, купивших, проголосовавших. В результате сильные теряют веру в себя и становятся нигилистами.

способы одурманить себя

В этой жизни одурманивает все: любое занятие – от сочинения книг до борьбы с наркотиками. Дурман – это все, что вырастает из пустоты. А пустоту можно заполнить только великой страстью. Но где найдешь ты великую страсть? Откуда она придет к тебе – сверху, снизу, слева, справа или одновременно со всех сторон? Великая страсть должна наполнить тебя изнутри. Но если внутри у тебя пустота, то не надейся, что в ней зародится что-то великое. Все, что рождается из пустоты, ничтожно. Но по-другому в этом мире боль-

ных, истощенных ничто родиться не может. Так что оставь надежду и занимайся своим привычным делом – собирай марки, решай уравнения, изучай тенденции рынка недвижимости, заучивай предвыборную речь, выбирай цветы для девушки, с которой ты собираешься встретиться, крути баранку, уклоняйся от удара справа, готовься нанести удар слева, смешивай коктейли в баре, пиши стихи... Все это не самые плохие способы обмануть себя, избавиться от отвращения к себе – есть способы и похуже.

СЛОВО СИЛЬНОГО

Любое слово, сказанное в состоянии слабости, ложно. Любое слово, сказанное в состоянии силы, истинно. Слабый говорит много; его отличает неспособность удержаться от слов; он говорит из одной лишь потребности говорить, и слова его ничего не стоят. Сильный немногословен; он предпочитает молчание и говорит лишь тогда, когда ясно понимает, что этого требует ситуация, что сейчас лучше сказать, чем промолчать; его слова похожи на золотые яйца, и сам он похож на сказочную наседку.

власть истощенных

Не знаю, бывает ли так, чтобы на истощенной почве вырастали ядовитые растения – борщевики, багульники, зайцегубы, кураре, фagreя, стрихниновые деревья. Но среди людей так бывает. Истощенные всегда источают яд, а у некоторых эта способность достигает чудовищных размеров. Они наводят страх на окружающих; их боятся и почитают; им подносят подарки; им подчиняются; их признают за богов. Истощенные, слабые знают только один вид энергии – энергию яда. Но и сильные иногда обманываются и принимают эксцесс слабости за нормальную плодovitость. Страх лишает их способности различать. Где найти человека, который бы временами не утрачивал эту способность, человека, которому был бы неведом страх? Таких людей нет, и потому человечеством правят инвалиды ума и воли, монстры слабости, чудовищные порождения скудости, годзиллы истощенности, гидоры вырождения, орки, гоблины, некромонгеры, полу- и полные мертвецы.

неудачные люди

По каким признакам можно отличить людей удачных от неудачных? Все, что делают неудачные, расширяет и углубляет их неудачу. Они действуют примерно так, как члены одной иудейской общины, которые перешли в христианство

только для того, чтобы пасть как можно ниже. Неудачные постоянно занимаются самоуничтожением, говоря точнее, они занимаются самоуничтожением. Некоторые прокалывают свое тело в разных местах и вставляют в отверстия металлические предметы – это называется «вивисекция». Некоторые употребляют наркотики (нюхают, лижут, глотают, колются) и под конец становятся наркоманами – это называется «отравление». Некоторые пьют (все без разбора и в большом количестве) и впадают в горячку – это называется «опьянение». Некоторые читают и пишут романы, читают и пишут стихи, смотрят фильмы, слушают музыку, верят в какого-то бога или сразу во всех богов, верят в пришельцев, хоббитов, гномов, орков, верят в философию, науку, экономику, мораль, прогресс, человечество, живут как бы во сне – это называется «романтика». Некоторые жгут машины, устраивают террористические акты, шествия, забастовки, делают то, что вызывает смертельную вражду сильных и тем самым воспитывают для себя палачей – это называется «воля к разрушению». На самом деле, конечно, в каждом из этих действий можно обнаружить волю к саморазрушению. Во всех этих действиях проявляется «инстинкт неудачи», стремление к «ничто». Такова европейская форма буддизма. Неудачные люди каждым своим поступком говорят жизни «нет». По этим признакам легко отличить удачных от неудачных и увидеть, что неудачные люди повсюду. Их так много, что впору дать нашей эпохе особое имя. И такое имя уже найдено – «нигилизм».

время бедных

Выжить – это цель бедных. Ценности выживания – бедные ценности. Властвовать – цель богатых. Ценности властвования – это ценности изобилия. Человек познается по тому, что он предпочитает – жить или властвовать. В былые времена тот, кто страшился потерять жизнь, не достигал власти. Но сегодня цель власти видят в том, чтобы гарантировать выживание. Порядок ценностей извратился. Здание культуры перевернулось. Сегодня все ходят вниз головой. Когда-то человеческий мир шумел зелеными кронами и пестрел плодами – это был мир дубов и апельсинов. А сегодня это мир картофеля и турнепса.

нигилистическая катастрофа

Если позволить себе шутку, можно сказать, что первый коллаيدر создали индусы. Это произошло две с половиной тысячи лет назад. Руководителем проекта был принц Гаутама, получивший кодовое имя Будда. Результатом эксперимента стало появление черной дыры, которая положила конец индийской культуре. К двадцатому веку дыра достигла Европы и Америки. На смену христианству пришел буддизм. Попытки ученых остановить катастрофу закончились безрезультатно, и вся человеческая цивилизация канула в дыру нигилизма.

в ожидании Гулливера

обесцененный мир

Мир, лишенный высших ценностей, похож на алмазные шахты в Кимберли, которые, по словам Гэри Ральфа, управляющего директора De Beers, выработали весь свой ресурс и должны быть закрыты.

разочарование в цели

Сбросив около ста калорий на степере, я прохаживался между тренажерами и думал о Ницше, о его теории нигилизма, и мне пришло в голову, что утрата цели, о которой он пишет, равносильна тому, как если бы Скотт или Амундсен во время своих знаменитых экспедиций вдруг обнаружили, что они нисколько не приближаются к Южному полюсу, что их собаки бегут на месте. Более того – им вдруг открылось бы, что Южного полюса не существует, что Земля повсюду одинакова, и ни одна ее точка не имеет никаких преимуществ перед другой. Они вдруг осознали бы, что в процессе «покорения»

пространства достигается лишь один результат – сжигание калорий, что мир никуда не движется, а только сжигает себя. Результатом этого открытия, по мысли Ницше, был бы нигилизм. Порадовавшись такому сравнению, я уселся в кресло для накачивания дельтовидных мышц и установил вес больше обычного.

снятые чары

Пираты на «Летучем Голландце» много веков бороздят моря, отыскивая Остров сокровищ. И вот они у цели: выходят на берег, отсчитывают шаги, вонзают лопаты в землю и выкапывают сундук. Но сундук пуст. Где золотые монеты, золотые кубки, алмазные украшения?

Внезапно они догадываются, что их мечты о драгоценностях – всего лишь мираж, золотой сон, что сама идея «золота» выдумана ими, чтобы легче было переносить морские скитания. Когда они это понимают, чары рассеиваются: они снова на корабле; они больше не призраки. Свистит ветер, шумят волны, капитан сочиняет стихи, матросы поют песню.

В волнах играют дельфины. И золотистые вымпелы развеваются на верхушках мачт.

Да и Нет

Фридрих Ницше ходит между вещами на базаре мира, словно между рядами нищих, и раздает милостыню. Одним он подает золотую монету, другим кладет на ладонь черную метку. На аверсе монеты большими буквами написано JA, на метке с обеих сторон выцарапано большими буквами NEIN. Вещи благодарят Фридриха Ницше и глотают полученное: одни – золотую монету, другие – черную метку. Первые увеличиваются в размерах и приобретают золотой блеск; вторые съеживаются, делаются незаметными и погибают.

в ожидании Гулливера

Странным образом человечество, претерпевшее в прошлом веке несколько опустошительных войн, стало чрезвычайно чувствительным к мельчайшим страданиям. Феминистки страдают от того, что слово «человек» мужского рода, и страдание это признается настолько важным, что тысячи отзывчивых душ выражают им свое сочувствие, и сотни глубоких умов размышляют над способами устранения этого страдания. Толстяки мучаются от того, что их называют «толстяками», и требуют, чтобы их называли «людьми нестандартной комплекции»; их страдания признаются настолько важными, что в газетах и романах предпочитают избегать слова

«толстый». Животных полагается забивать, предварительно оглушив. Садовых гномов полагается отпускать на свободу. Эта сверхчувствительность выдает утомление, слабость. Сильные эпохи считали страдание само собой разумеющимся. В Древнем Риме было много толстяков, но никто не думал отменять слово *crassus*. Красс было фамильным именем в роде Лициниев. И Лев Толстой не пытался изменить свою фамилию, потому что понимал смехотворность страданий, доставляемых тучностью. Он больше мучился вопросом о том, как жить, если знаешь, что смерть не разбирает, худой ты или толстый. Ныне же всеобщее внимание к мелким страданиям свидетельствует об отчаянии, о страхе посмотреть в глаза жизни и смерти. Множеством мелких страданий пытаются загородиться от одного большого. Вот почему наше время – самое мелочное из всех времен. Когда в душе поселяется Ничто, то и самое ничтожное становится чем-то. Такое время неспособно ни на что великое. В такое время не найти Спартаков и Крассов, Толстых и Горациев. Это время кофемолок «Скарлетт» и подгузников «Хаггис». И будет чудом, если среди нас появится какой-нибудь Гулливер.

стадия хризалиды

все превосходно

хозяин гостиницы превосходный человек
он всегда спрашивает о моем здоровье
постояльцы превосходные люди
они всегда дружелюбно раскланиваются со мной
метрдотели превосходны
они всегда предлагают мне самые лучшие столики
превосходны и повара
они всегда готовят мне изысканнейшие блюда
превосходны официанты
они всегда обслуживают меня учтивейшим образом
превосходны жители этого городка особенно молодые дамы
они всегда оборачиваются когда я прохожу мимо
и долго смотрят вслед
превосходны уличные торговки
они всегда выбирают для меня самый сладкий виноград
превосходны извозчики
они всегда делают мне большую скидку
превосходен этот удобный стул
сидя на нем можно писать только гениальные книги
превосходно это острое перо
им можно излагать только гениальные мысли

превосходны французы
не то что глупые немцы
они наверняка скупят весь тираж
моего последнего сочинения
самой превосходной из моих книг
которую я решил назвать «Ессе homo»

приветлив со всеми

я приветлив со всеми
с деревьями листьями пнями ветвями
корнями плодами
одуванчиками азалиями
фикусами гортензиями
грибами и мхами
моя приветливость безгранична
у моей приветливости нет срока давности
моя приветливость к травам
стремительна и прекрасна как горная антилопа
приветливый с лошадьми я еще более приветлив с птицами
единственный с кем я неприветлив
кому не подаю руки
мимо кого прохожу быстрым шагом
отворачиваясь прикрывая глаза затыкая уши и нос
это человек

близко к морю и еще ближе к лесу

близко к морю и еще ближе к лесу
я построю дом,
чьи стены будут опираться
на самих себя,
буду жить в нем,
довольствуюсь самим собой
и мыслями, которым довольно самих себя.

стадия хризалиды

я закроюсь для всего, что приходит извне,
и стану предельно открытым для того,
что растет изнутри.

я вынесу это добровольное заключение
и дам жизнь существу, о котором
не имею сейчас даже смутного представления.

одинокий в поисках уединения

кто ищет уединения, у того есть «я»,
и тот, у кого есть «я», ищет уединения.

единственный ищет уединения,
чтобы расти
и делаться все более единственным,
все более одиноким, –

вот так он проводил свое детство:
в поисках одиночества,
которым уже обладал сверх меры.

вынужденная роскошь

«Садик, смоквы, немного сыру и три-четыре хороших друга – вот и вся роскошь для Эпикура». Но кое-кого судьба (внутренний рок) принуждает жить в еще большей роскоши – такие обходятся только смоквами.

спрятавшийся бог

Solar Impulse

Ницше парит над землей. Solar Impulse – подходящее название для того, кто хотел бы получать энергию только от Солнца. Конечно, иногда приходится приземляться. Запас энергии невелик. Садится солнце – садятся и батареи. Ночь – время для невысоких дел: почитания, вражды, всяких глупостей. Но с первыми же лучами Solar Impulse отрывается от земли – вверх, снова вверх, чтобы обозреть весь мир, все это множество пестрых вещей, – вещей, которые уже не заботят, а лишь доставляют пищу свободному, солнечному уму.

расчетливое гостеприимство

Мир вокруг так разнообразен, так интересен, что Скука не находит для себя места, поэтому она обращается к Ницше, чтобы он ее приютил, и философ, по врожденной своей доброте, а также на основании умозаключений, которые он сделал, изучая человеческую природу, удовлетворяет ее просьбу, со-

глашается дать ей приют, и теперь Скука живет рядом с Ницше, отчего его мужество возрастает: «то, что меня не убивает, делает меня сильнее», – повторяет он утром и вечером, и если бы к нему на постой попросился еще какой-нибудь гость, пострашнее Скуки, он приютил бы и его – он готов на все, чтобы его мужество возросло хотя бы еще немного, но он знает: появление такого гостя исключено, встретить кого-то страшнее Скуки невозможно.

два одиночества

Когда Ницше надоедают книги и общество, он уходит из города – в поля или горы. Там он говорит сам с собой и радуется самому себе. Там, за городом, нет ни книг, ни людей. Поля и горы тоже не беспокоят Ницше – они ничего не говорят ему. Поля и горы его просто не замечают. Так Ницше остается в самом прекрасном одиночестве, какое только может быть, – наедине с самим собой. Но потом он вспоминает о долге перед людьми, которых покинул, о долге перед книгами, которые не прочел и не написал. Он спешит в город, прихватив с собой воспоминания о прогулке. Только эти воспоминания и помогают ему переносить самое худшее из одиночеств – одиночество среди людей и написанных ими книг.

как становятся отшельниками

Ницше почти перестал выходить из дому, и вот почему:
когда он бродит по городу, ему хочется накормить всех
птиц, кошек и собак,

дать что-нибудь каждому попрошайке, каждому улично-
му музыканту,

купить все цветы у старушек-цветочниц,
все книги у продавцов в тесных холодных пристройках
– там же, в подземных переходах;

он хочет перевести через улицу всех слепых,
подсказать каждому иностранцу, где выгоднее поменять
валюту;

он хочет заменить собой каждого человека-афишу;
он хотел бы возместить потерянное всем клиентам лоп-
нувших банков, всем обворованным в метро, всем проиграв-
шимся в слот и рулетку;

он хотел бы вымыть, постричь и одеть в новое всех кло-
шаров,

дать каждому юноше возможность учиться и жить там,
где он пожелает,

а каждой девушке – возможность купить платья, туфли,
косметику и украшения, о которых она мечтает.

домой Ницше возвращается измученным, обессиленным –
не потому, что сделал все, что ему хотелось, а потому,
что знает: эти его желания фантастичны, неисполнимы.

годы идут, и Ницше покидает особняк все реже и реже.
спешите его увидеть!

возможно, скоро он совсем перестанет выходить на улицу,

и вам уже не удастся пожать ему руку и уговорить его дать автограф и сделать селфи.

взгляды, обращенные на тебя

Встречные прохожие останавливаются и провожают Ницше внимательным взглядом. То же делают и собаки, и кошки. Даже петухи на время забывают о курицах – перестают клекотать и, склонив голову на бок, всматриваются в проходящего. Такое внимание Ницше льстит, но в то же время вызывает у него чувство неловкости. Он предпочел бы, чтобы на него обращали меньше внимания. Но он так заметен – высокий рост, большие усы, прекрасные лучистые глаза, дорогое пальто на шелковой подкладке... Трудно не заметить господина Ницше, а заметив, трудно отвести взгляд. Поэтому Ницше выбирает самые глухие переулки. Он ходит окольными путями и в такое время, когда жители городка, устав от дневных забот, сидят по домам – смотрят телевизор, слушают музыку, готовят ужин, говорят по телефону, играют в карты или разгадывают кроссворды. Но, несмотря на принятые меры, избежать чужих взглядов Ницше не удастся. Утомленный этим назойливым вниманием, он не раз уже собирался сбрить усы и купить пальто подешевле, но всякий раз, подходя к парикмахерской или магазинчику секондхэнд, он останавливается и, покачав головой, идет дальше, провожаемый

внимательными взглядами прохожих, детей, собак, гор, луны, звезд, вселенной.

спрятавшийся бог

долгий труд без снисхождения к себе и читателям суровая дисциплина ума и сердца все это приносит плоды и наступает время когда знаки общественного признания обступают тебя со всех сторон ты натыкаешься на них в самых неожиданных местах ты замечаешь их всюду несмотря на свою рассеянность

соседи за столом говорят исключительно о твоих сочинениях витрины книжных лавок зазывают покупателей обложками твоих книг люди в карете на которой ты едешь в ближайший город читают твое последнее произведение а в Ницце бродяги обыскивают мусорные урны в надежде найти страничку написанную тобой

во Франции государство взяло на себя печатание и распространение твоих книг издан указ по которому твои сочинения должны изучаться в школах пройдет сто лет и то же самое сделают англичане а еще лет через двести русские потом дойдет очередь до японцев китайцев аргентинцев и жителей Мозамбика

последними конечно окажутся немцы но и они в конце концов оценят созданное тобой

ты круто повернул дорогу по которой идет человечество проложил новый путь имя твое у всех на слуху но ты держишься скромно отпускаешь длинные волосы длинные усы надеваешь черные очки оставляешь свою саблю дома в простом темном сюртуке тебя непросто узнать

ты почти не разговариваешь с окружающими а если и говоришь то тихим невыразительным голосом чтобы интонации и тембр не выдали тебя

ты никогда не рассуждаешь о последних вещах самое большее о предпоследних например о том сколько раз нужно пережевать кусок чтобы он усвоился с максимальной пользой для здоровья семьдесят как считает Гладстон или восемьдесят как считаешь ты

в этой любви к анонимности ты уподобляешься самому Творцу ведь и он сотворив мир предпочел остаться неизвестным настолько неизвестным что некоторые даже сомневаются в его существовании

ты конечно не сомневаешься ты твердо знаешь что бога нет и не было а если он был то давно уже скончался ведь люди не терпят над собой богов

поэтому ты так осторожен нельзя допустить чтобы человечество второй раз совершило богоубийство

ты прячешься среди толпы лучше чем это сделал первый бог

а если до тебя бога не было то все равно ты прячешься так
что лучше спрятаться невозможно

правду о тебе знает только издатель но на этого человека
можно положиться ведь тут замешаны коммерческие
интересы

участь Диониса

привычка чувствовать себя лилипутом

После долгих раздумий Ницше делается тесно в его квартире, и он выходит на улицу. В этот час улицы пустынные – ни одного прохожего, но Ницше тесно и в городе; ему не хватает воздуха. Он спешит в лес, на холмы, но и природа ему тесна. Расстроенный, Ницше возвращается в город. Жители городка просыпаются. Некоторые уже торопятся по делам. Встретив человека, Ницше испытывает облегчение: случайный прохожий представляется ему великаном, город – огромным, мир – бесконечным. Ницше разом избавляется от чувства стесненности; к нему возвращается душевное равновесие – ранним утром, на еще не убранных улицах, в окружении деловитых людей, он снова чувствует себя лилипутом.

философ и человек

Ницше-философ держит человека-Ницше в особняке. Иногда он выводит его погулять, и тогда Ницше-человек весело

семенит рядом, принохиваясь к травам, деревьям, пробегающим лошадям, проезжающим автомашинам. Если Ницше человек чует запах другого человека, он громко приветствует его, выказывая ему всю доброжелательность, на какую только способен, а доброжелательность его велика: человек-Ницше доброжелателен, как сам Творец, и даже, учитывая результат творения, намного больше.

философия ночи

Ночью философу приходится всего труднее: темнота отнимает у него мелкие вещи, на которые он мог бы обратить внимание. Он вынужден размышлять о чем-то большом и неясном, а это причиняет страдание. Вдобавок он чувствует себя одиноким солдатом на передовом посту – единственный бодрствующий во всей армии. Он знает, конечно, что жизнь обычных людей – это сон, что они не пробуждаются и к полудню. И все же он предпочел бы, чтобы сейчас был день – пели птицы, таякали собаки, шумели автомобили, гудели гудки, выли сирены, стучали отбойные молотки, и всюду, всюду раздавались певучие, хриплые, печальные, веселые человеческие голоса.

падение

Посещая лекции по физике элементарных частиц, Ницше узнает, что ни одна частица не существует сама по себе, а только в соединении с другими. Это открывает ему глаза на положение дел в обществе: и среди людей никто не существует сам по себе, а только в общении с другими людьми. У Ницше кружится голова, да и сам он кружится, падая в бесконечность. Никакого дна, ничего прочного. «Неужели мои поиски “я” закончились? – думает Ницше. – Неужели правы те, кто никогда ничего подобного не искал? Так нет же! – говорит он себе. – Если у этой вселенной нет дна, я сам стану таким дном, я сумею сделать из себя основание мира». Как только эта мысль вспыхивает в его уме, головокружение прекращается. Ницше продолжает стремительно падать в бездну, но у него появляются ориентиры.

есть вещи важнее

Ницше прогуливался по холмам, когда к нему подбежал худой длинноволосый человек.

– Господин Ницше! – воскликнул он. – Я только что завершил свой труд. Прошу вас, взгляните на него и скажите, что вы о нем думаете.

– Где же ваше произведение? – спросил Ницше.

– В пещере, – и человек указал на мрачный вход в глубинах горы.

– Там, наверное, темно и холодно, – нерешительно сказал Ницше. – Сырость мне противопоказана.

– Что поделаешь, – вздохнул человек. – Создать великое можно только в таком месте, жертвуя здоровьем.

– Возможно, вы правы, – сказал Ницше. – Ну так довольствуйтесь тем, что создали великое. Этого вполне достаточно. А для меня важнее чистый воздух и свет. И вот еще что (он наклонился к собеседнику): недавно я понял, что могу вообще обойтись без искусства. Я выздоравливаю, мой друг, выздоравливаю!

элегантность прежде всего

Ницше обходит портных Турина и просит каждого сшить ему элегантный костюм. Но портные отказываются. «Вы слишком серьезны, господин! – говорят они. – Самый лучший костюм будет сидеть на вас как на плохом манекене». И тогда Ницше затворяется у себя дома и принимается изучать портняжное ремесло. Стремление к элегантности в нем так велико, что он осваивает эту премудрость меньше, чем за месяц, и выходит на улицу в новом, сшитом им самим костюме. Он идет гордо, не поворачивая головы, но краем глаза пытается уловить, какое впечатление производит на окружающих. К его удивлению, прохожие не обращают на него внимания, и посте-

ленно Ницше убеждается, что сшил себе костюм-невидимку. «Что ж, – думает он, возвращаясь домой, – пусть я невидим. Какая беда? Я ведь шил этот костюм для себя. Ради элегантности я готов заплатить и такую цену».

вступить за лошадь

Ницше завидовал животным – они обладали непостижимым для него спокойствием. И он хотел жить просто, как лошадь, – лишь бы сохранить при этом способность читать и думать. Идеал жизни виделся ему так: вернувшись с прогулки по альпийскому лугу в теплое стойло, он берется за какой-нибудь труд по физике, химии или физиологии – читает, делает выписки, размышляет. По его мнению, лошадь, способная к чтению и познанию, была бы в каком-то смысле и недо-человеком, и сверхчеловеком. Этот идеал преследовал его всю жизнь. Вот почему он заступился за лошадь на туринской площади – он увидел в ней самого себя.

усы Ницше

Усы Ницше – это бампер, который он повесил на себя, чтобы смягчить удары извне. С такими усами невозможно целоваться. Сомнительно, можно ли с такими усами что-нибудь опрятно съесть. Отрачивая громадные усы, Ницше, видимо, хотел показать, что он не нуждается ни в еде, ни в поцелуях. Но, пользуясь его собственным методом, эти усы можно истолковать как свидетельство прямо противоположного: влечения к обжорству, пьянству и другим плотским утехам. Может быть, истинный образ Ницше – это образ пьяного сатира, и ситуация здесь обратная той, которую описывает Алкивиад в «Пире»: Сократ похож на силена, но в нем живет божество. Ницше, как антипод Сократа, отрастил богоподобные усы, чтобы скрыть в себе силена. Впрочем, он сам в конце жизни выдал свою тайну, требуя, чтобы его принимали за Диониса.

участь Диониса

Интересно было бы проанализировать эволюцию Ницше с точки зрения теории внутренних конфликтов Хорни. Очевидно, что в душе Ницше таился какой-то необычайно острый конфликт, который он пытался решить с помощью насильственной централизации своей личности. Душа его походила на феодальные княжества, находящиеся между собой в же-

стокой борьбе. И Ницше отчаянно пытался объединить их под королевской властью. Отсюда это неудержимое стремление к цельности, независимости, абсолютной власти. Не случайно в конце жизни он отождествил себя с Дионисом, богом, которого разрывают на части. Именно эта участь постоянно ему и угрожала.

В рационализации этого стремления он использует и гуманистическую идею «идеальной личности», и разоблачительные наблюдения философов-моралистов, и античные взгляды на право как договор равных, и теорию Канта – в общем всё, что попадает под руку (а попадает очень много – так всегда бывает, когда человек сосредотачивается на какой-то идее, – она, словно металлоискатель, показывает залежи ископаемых).

«Человеческого» слишком много даже в такой философии, как философия Ницше, и может быть, в ней – больше, чем во всех других.

дела и вера

дела и вера

– Почему вы не хотите научиться стрелять? – спросил Хемингуэй.

– Зачем мне это? – сказал Ницше. – Я не собираюсь охотиться. Есть другие способы для воспитания мужества, без убийства.

– И все же попробуйте, – сказал Хемингуэй. – Давайте упражняться каждый день, и вы увидите, что ваше отношение к охоте изменится. Через пару недель вы поверите, что рождены для охоты!

– Вряд ли, – сказал Ницше. – Вера предшествует успеху, а не следует за ним.

– Это вы сейчас так думаете, – сказал Хемингуэй. – А недавно думали по-другому.

планета Глизе 667 Сс

– Хорошая новость! – сказал Хемингуэй. – Открыта планета с условиями, очень похожими на земные.

– Там может существовать жизнь? – спросил Ницше.

– Температура на поверхности почти как у нас!

– И вы этому радуетесь?

– Конечно. Приятно будет узнать, что мы во Вселенной не одиноки.

– Но вы не представляете, к каким последствиям это может привести!

– Звездные войны? Вторжение? Вы начитались фантастики, старина.

– Я опасюсь другого, – сказал Ницше. – Если мы завяжем отношения с инопланетянами, у человечества появится отличный повод для самопожертвования. Вспомните, как люди чтят мучеников науки! А в этом случае коллективным мучеником может стать весь человеческий род. Представьте себе, что жизнь всех людей будет подчинена одной цели – познанию. Долго с таким стремлением не прожить. Познание ведет не к счастью, а гибели. И если человечество отдастся этой страсти, оно вскоре погибнет. До сих пор такая жертва не имела смысла, потому что добытое знание исчезло бы вместе с познающими. Но если окажется, что мы в космосе не одни...

– Вы слишком хорошего мнения о человечестве, – сказал Хемингуэй. – Вы служили санитаром, когда пруссаки воевали с французами, – девятнадцатый век! А я побывал на двух войнах двадцатого века. Можете мне поверить, я знаю чело-

вечество лучше. Не тревожьтесь, если оно и погибнет, то не от страсти к познанию.

– Вы так думаете? – сказал Ницше. – А далеко ли эта планета?

– Примерно семь парсеков, – сказал Хемингуэй.

– Двадцать три световых года, – прошептал Ницше. – Далеко, слишком далеко...

вечерний разговор

– Так вы думаете, человечество погибнет?

– Увы. Преходящи индивиды, преходящи и виды.

– Немыслимо! Кто же тогда будет читать наши книги?

– Никто их читать не будет.

– Но, может быть, они сохранят какое-то значение сами по себе, без читателей?

– Без читателей это будут бумажные листы, хорошо или плохо переплетенные, с пятнами типографской краски...

– И всё?

– Да. Всё.

Хемингуэй какое-то время глядел на заснеженную гору. Потом встал и ушел в палатку. Когда откинулся полог и появился Ницше, Хемингуэй читал стихотворение из «Куттель Даддельду».

– Хорошо пишет этот Рингельнац! – сказал Хемингуэй, не отрывая глаз от страницы.

– А я совсем его не знаю. Можно я полистаю перед сном? Вы не против? – сказал Ницше.

– Нет, конечно, – ответил Хемингуэй. – На ночь я читаю Сименона.

препятствия на пути

– Надо же! – воскликнул Хемингуэй. – Два магазина пусты, а ему хоть бы что!

Перед ними стояла гигантская обезьяна и скалила огромные зубы.

– Я думаю, нам лучше повернуть обратно, – сказал Ницше. – Тут и десяти магазинов не хватит.

Они медленно отступили, глядя на обезьяну, а потом повернулись и быстро зашагали по дороге.

– Мне показалось, – сказал Хемингуэй, – что там, за его спиной, прятались еще какие-то твари.

– Может быть, – сказал Ницше. – Если бы не чудище, мы продвинулись бы дальше в своих исследованиях. Но, по правде, мне достаточно и того, что мы узнали.

Они остановились перед постройкой, похожей на склеп.

– А это что такое? – сказал Хемингуэй.

– Подойдем поближе, – предложил Ницше. – Там что-то написано.

Над входом было выбито: Hier liegt der letzte Mensch und Todengraeber.

– Здесь покоится последний человек и могильщик, – перевел Хемингуэй. – Если он – последний, то кто же его похоронил? Вы что-нибудь понимаете?

– Боюсь, – сказал Ницше, – это значит, что и мы с вами тоже давно мертвы, – ведь невозможно пережить последнего человека.

Львы и панды

– Почему вы предпочитаете охотиться на львов?

– Потому что они самые опасные звери.

– Ясно: когда вы охотитесь на льва, вы и сами чувствуете себя опасным зверем.

– Может быть.

– А вы хотели бы провести год в общении с Наполеоном?

– Что интересного в этом маленьком корсиканце?

– Он не напоминает вам льва?

– Он напоминает мне панду.

– Вы ошибаетесь.

Наступило молчание. Хемингуэй читал роман Сименона. Ницше праздно глядел на луг.

– А я хотел бы пожить рядом с Наполеоном, – сказал Ницше.

– Зачем? – спросил Хемингуэй.

– Чтобы узнать, так ли я опасен, как мне это представляется самому.

– Мое общество вас не устраивает?

– В вашем обществе я чувствую себя безопасно, как в обществе панды.

– Вы ошибаетесь, – сказал Хемингуэй. – Панды вовсе не безобидные существа.

цветы и власть

– Я равнодушен к цветам и вообще к запахам, – сказал Хемингуэй. – Перечитайте мои романы – вы не найдете там описания и даже упоминания запахов. Мои герои лишены обоняния.

– Зато у них зоркий глаз и чуткое сердце, – сказал Ницше.

– Да, – сказал Хемингуэй. – О глазах – верно. А насчет сердца... Многие упрекают меня в сентиментальности. Но вы же знаете – я не такой. По правде говоря, ваша любовь к цветам кажется мне...

– Не продолжайте, – сказал Ницше. – А то мы поссоримся. Я не нахожу в сентиментальности ничего предосудительного. Мне нравится когда из-за ограды веет ароматом роз или сирени, и сердце начинает биться или, наоборот, замирает (я еще не решил, как правильнее описать физиологию этого состояния). Вот почему я больше люблю гулять вдоль цветущих садов, чем вдоль красивых фасадов. Ах, если бы у меня был свой сад!

– Вы засадили бы его розами – так густо, чтобы в пору цветения у проходящих мимо кружилась бы голова, – а сами

прятались бы за оградой и ловили знаки зависти на чужом лице. Я хорошо узнал вас, мой друг, за эти годы. Вами движет лишь одна страсть – воля к власти, стремление к превосходству. Хорошо еще, что у вас нет средств, чтобы проявлять эту страсть вовне, и вы обращаете ее на самого себя. Иначе с вами было бы не ужиться. Мы разные по характеру: я хочу властвовать над тем, что вокруг меня, а вы стремитесь господствовать над собой. Может быть, поэтому нам и удается так долго ладить друг с другом.

дурные привычки

– Как называется это... то, что вы сейчас сделали? – спросил Ницше.

– Я что-то сделал? – удивился Хемингуэй.

– Да. Плюнули, с таким особенным звуком...

– А-а... Это называется «харкнуть».

– Не выношу близости харкающих людей, – сказал Ницше.

– Да? А как называется вот это, знаете? – спросил Хемингуэй и пукнул.

– Если не ошибаюсь, это называется «пердеть», – сказал Ницше и добавил: – Пердящие мне тоже противны.

– Да, по-английски это называется «пердеть», – сказал Хемингуэй и снова пукнул. Потом он быстро доел консервы и бросил пустую жестянку в костер.

– Не выношу чавкающих, – сказал Ницше. – В них есть что-то звериное.

– Мой друг, помнится, вы часто ставили животных в пример человеку.

– Только не в этом случае.

– А как же ваше хваленое безразличие? – спросил Хемингуэй, облизывая вилку. – Считайте это очередным испытанием. Постарайтесь подняться над приятным и неприятным. Это сделает вас еще сильнее.

– Вы так думаете? – пробормотал Ницше.

Хемингуэй икнул. И снова пукнул.

– Пожалуй, я прогуляюсь, – сказал Ницше. Он встал, отряхнул пальто и быстрым шагом направился в лес.

– Приятной прогулки, – сказал Хемингуэй. – Если заблудитесь, выстрелите из пистолета.

– Я не ношу оружия, вы же знаете, – сказал Ницше.

– И напрасно, – сказал Хемингуэй, раскрывая «Мальтийского сокола». – Умение стрелять – добродетель не из последних.

лучшие садоводы

– Что вы читаете? – спросил Ницше.

– «Утреннюю зарю», – ответил Хемингуэй. – Я уже добрался до пятой книги. И вот что меня смутило. Вы пишете, что лучше погибнуть сразу под натиском повседневности, чем

долго сопротивляться ей, – тогда, мол, от человека останутся благородные развалины, а не кротовьи кучи.

– Да, я так говорил, – сказал Ницше.

– Но что это значит – погибнуть вдруг? Застрелиться? Сойти с ума?

– Для тех, кто не может противостоять сорнякам, разрушающим душу, это, пожалуй, лучший выход, – сказал Ницше. – Но мы с вами – другое дело. Перед нами такой выбор никогда не встанет. Ведь мы – лучшие садоводы, какие только жили на свете! Мы замечаем сорняки вовремя и без пощады выпалываем их, – иногда, правда, выдирая корни с кусочком своей души.

наслаждение утонченного

Ниц.: Не понимаю, зачем стрелять в зверей? Это слишком грубое проявление силы. Утонченный человек вообще не станет охотиться – он найдет место на берегу и будет смотреть на море, на выпрыгивающую из воды рыбу, на зверей, играющих неподалеку. Тот, кто знает, что ему суждено вечное страдание, скромен в наслаждениях. Он не пытается овладеть миром – он только смотрит.

Хем.: ...

о манерах

Ниц.: Мои манеры лучше ваших, и все же я должен стонуться людей. Какая досада! Я стараюсь быть скромным, любезным, благожелательным – и все-таки раздражаю окружающих. Я причиняю им боль и своим видом, и своими суждениями. Только вы, дорогой друг, способны терпеть меня. У вас по-настоящему мужской характер. Вы толстокожи, как носорог. Будь ваша кожа нежнее, нам бы не ужиться. И это было бы несчастьем для нас обоих. Мы потеряли бы многое – и вы, и я.

Хем.: ...

повторение

Ниц.: Время здесь не движется. Здесь ничего не происходит. А если и происходит, то всегда одно и то же: мы просыпаемся, умываемся, бреемся, завтракаем, охотимся, возвращаемся, готовим еду, говорим, читаем... Сколько месяцев уже прошло? Сколько лет? Может быть, века? Неужели мы здесь навечно?

Хем.: Мой друг, если вы решили, что такой образ жизни вам подходит, то почему вас пугает этот распорядок? Когда я спросил, поедете ли вы со мной, вы ответили «да». Но, как видно, ваше «да» не было тем большим благословляющим ДА, которого я ожидал. Тому, кто полностью принимает свою

судьбу, не хочется перемен. Однообразие страшит неудовлетворенных. Но мы-то с вами давно уже поняли, что к чему. Поэтому обдумайте свои слова – может быть, вам захочется взять их обратно.

Ницше уходит

Хем.: Вы меня оставляете?

Ниц.: Да.

Хем.: Куда же вы направитесь?

Ниц.: В Хемниц.

Хем.: Почему Хемниц? Я мог бы связать вас со своим издателем.

Ниц.: Нет, спасибо.

Хем.: Ну что ж. Не забудьте выслать мне экземпляр.

Ниц.: Я хотел бы посвятить эту книгу вам.

Хем.: Это лишнее.

Ниц.: Тогда я напишу: *Книга для всех и ни для кого.*

Хем.: Так гораздо лучше.

В своем кругу

приглашение на концерт

Ницше пригласил Хемингуэя на концерт.

– Шопенгауэр будет петь свою песню.

– Как? – удивился Хемингуэй. – Всего одну песню?

– Да, – сказал Ницше. – Но какую!

– Это не для меня, – покачал головой Хемингуэй. – Представьте боксерский поединок, который начался и закончился бы одним ударом...

– Лучше представьте рыбалку, на которой удалось поймать одну, но большую рыбу.

– Хитрец! – сказал Хемингуэй. – Знаете, чем меня заманить. И все же возьмите места поближе к выходу.

отвергнутое предложение

– Почему бы нам не снять квартиру вдвоем? – спросил Хемингуэй. – Доходы наши невелики, и такая экономия была бы кстати.

– Ну нет! – воскликнул Ницше. – Будем жить врозь.

– Почему? – спросил Хемингуэй. – Вы думаете, люди могут неправильно истолковать наши отношения?

– Меня мало волнует, что думают окружающие, – сказал Ницше. – Но я не хотел бы перекладывать на вас, дорогой друг, свои страдания. Даже делиться с вами, рассказывая о них, было бы не справедливо. Справедливость в отношении к людям и вещам – вот что меня заботит. Спасибо, но я останусь там, где живу. А вы можете обратиться с этим предложением к Льюису или Вулфу.

неизвестный Ницше

– Когда вы смотрите на меня, вы видите человека, – сказал Ницше. – Но это иллюзия. Что я такое на самом деле, неизвестно никому – ни вам, ни мне. Вы видите перед собой человеческое существо только благодаря своей оптике. Если бы у вас были другие органы зрения, вы увидели бы нечто совсем другое и, может быть, ужаснулись, да, наверняка, ведь все нечеловеческое ужасает.

– Друг мой, – сказал Хемингуэй, – вы читались Лавкрафта. Почему бы вам не почитать Сименона?

круг общения

– Не понимаю, – сказал Ницше, – почему вы якшаетесь с простолюдинами – рыбаками, шоферами, барменами, матадорами? Вы же умный человек, и вам должно претить такое общение. Неужели вам с ними не скучно? Неужели вы не чувствуете себя потерянным, запачканным, предателем самого себя?

– Старина, – сказал Хемингуэй, – вы, может быть, не догадываетесь, но час, проведенный с вами, засчитывается за год. Я общаюсь с простыми людьми для восстановления сил.

Ницше рекомендует

Ниц. : Я бы советовал вам стать вегетарианцем. Берите пример с меня: я – веган с многолетним стажем. Только такой диетой я и сумел предотвратить деградацию и распад своей личности.

Хем. : Вы советуете мне отказаться от кофе, выпивки, стейков, охоты? Может быть, еще и от секса? Но вы забыли, что я не европеец. Я – американец. Да и потом, счастье всегда индивидуально; чужие советы могут его спугнуть, как треск ветки – дичь.

никаких исключений

– Не думаю, что мы приносим кому-либо хоть какую-то пользу, за исключением самих себя, – сказал Ницше и вызывающе поглядел на Хемингуэя.

– Я не уверен и в исключении, – сказал Хемингуэй.

– И правда, – сказал Ницше. – Сколько раз вы что-то себе ломали, чем-то себя ранили – не сосчитать!

– Я весь в шрамах, – сказал Хемингуэй.

– Вы навели меня на новую мысль, – сказал Ницше. – Индивид не должен приносить пользу не только обществу, но и самому себе. Только тогда он будет полностью независим – даже от самого себя. Превратиться в средство, инструмент – худшее, что может произойти с человеком.

– Вы говорите, я навел вас на эту мысль? – спросил Хемингуэй. – Выражайтесь точнее! Скажите прямо: эта мысль принадлежит мне.

одиночество бесстрашных

Ниц.: Я не раз спрашивал себя, как это мы с вами уживаемся, ведь наши характеры так несхожи. Сегодня я знаю ответ: мы уживаемся потому, что мы оба бесстрашны. Мы – смельчаки, каких поискать. Боязливый никогда не бывает одинок – ему всюду мерещится враг. Поэтому боязливые, как ни странно, лучше выносят то, что мы называем одиноче-

ством, – отсутствие близких соседей. Но бесстрашные не таковы. Они ничего не боятся, им не докучают призраки воображения. Поэтому они страдают от одиночества и вынуждены искать себе подобных. Например, как мы с вами.

Хем.: ...

доверие к музыке

Ниц.: Как бы я выносил самого себя, этот мир и вас, мой друг, если бы не музыка!

Хем.: А у меня в романах не поют и не танцуют. Мои герои не слушают Брамса и Бородина, как персонажи этого... как его... Неважно. Они знают: полагаться ни на что и ни на кого нельзя. В них злости и недоверия больше, чем в вас, мой друг.

Ниц.: Хорошо, что я не герой вашего романа.

Хем.: Да. Я не написал и не напишу о вас ни слова. О вас уже написали.

Ниц.: Кто?!

Хем.: Неважно.

видимость обманчива

Хем.: Дорогой друг, если вы хотите, чтобы вас воспринимали таким, какой вы есть, – милейшим и справедливейшим,

– почему бы вам не сбрить эти громадные усы? Они вводят в заблуждение: те, кто видят вас впервые, замечают прежде всего усы и думают, что вы – грубый, вспыльчивый солдафон.

Ниц.: Тем приятнее будет им узнать, что они ошибаются.

Хем.: Вы полагаете? Согласно вашей собственной теории, люди не любят признавать свои ошибки. Скорее уж они приложат все усилия, чтобы сохранить свое первоначальное мнение.

Ниц.: Что ж, тогда они пожалеют, что не ошиблись!

выбор Ахилла

Ниц.: Есть ли у нас двоих хотя бы один довод в пользу долгой жизни?

Хем.: Ни одного.

Ниц.: Разве это не удивительно?

Хем.: Удивительно, что мы все-таки живем.

Ниц.: Но нельзя поручиться, что мы проживем долго.

Хем.: Да, за это никто не поручится.

Ниц.: И все же отсутствие гарантий не затуманивает наш взгляд и не мешает прицелу.

Хем.: Хорошо сказано! По правде, я всегда считал, что литературным даром вы меня превосходите. Прицел наш обычно верен. Если он и сбивается, то по другим причинам.

вечер на бивуаке

– Я служил тогда в пехоте. Мне едва исполнилось восемнадцать. Жаркие были бои. Пулеметы так разогревались, что приходилось мочиться на кожух, чтобы их охладить.

– А я служил в кавалерии. Я был превосходным наездником и отлично владел саблей. В одном бою я зарубил десять... нет, двадцать французов.

– Это пустяки. На итальянском фронте я прикончил за один день около сорока немцев.

– Наверное, это были австрийцы.

– Какая разница!

– Для вас, может, и никакой.

благородная зависть

– Завидую вам, – сказал Ницше. – Вы читали свой собственный некролог! Не каждому это выпадает.

– Можете завидовать вдвойне, – сказал Хемингуэй. – Ведь я читал и ваши некрологи – еще до того, как прочел свой.

ЧЕЛОВЕК ТЕНИ

– Мне нравится, как назвали вашу книгу в русском переводе.

– Вы читаете по-русски?

– Немного. Когда-то я возлагал на Россию большие надежды.

– Я тоже. И как же они перевели название?

– «Там, за рекой, в тени деревьев».

– There, across the river, under the shade of the trees? Вместо «куда» – «где». А почему они так перевели?

– Я думаю, это особенность русского ума: предпочитать место – направлению. В любом случае, мне нравится, что здесь появилась «тень».

– Почему же? Лишнее слово, которого нет в оригинале.

– Мне нравится представлять себя в тени. Я назвал бы себя «человеком тени».

– Вы занимаетесь политикой? Вы – член теневого комитета?

– Нет. Я из тех, кто держатся в тени.

– То есть из тех, кто окружает себя туманом, хотя мог бы сиять как солнце?

– Я прячу свой жар и свет.

– Чтобы не обжечь окружающих?

– Я, знаете ли, уже был причиной несчастных случаев.

– А я был жертвой многих несчастных случаев – правда, не по вашей вине.

– В тени лучше думается.

– Но охотиться лучше на солнце.

– Всему свое время и свое освещение. А скажите, Джулиан Барнс прав, когда высмеивает вашу фразу: «Голос ее был прекрасен, словно Пабло Казальс, играющий на виолончели»?

– Черт! Он же ее изменил.

– А что в оригинале?

– Вы не читали романа?

– Я читал его в русском переводе.

– И как же эту фразу перевели на русский?

– «Голос был такой красивый и так напоминал ему виолончель Пабло Казальса, что...

– Дерьмо господне! Люди разучились читать по-английски! Для кого я пишу?

– Так что же в оригинале?

– Her voice was so lovely and it always reminded him of Pablo Casals playing the cello. Я так долго работал над этой фразой, что запомнил ее наизусть. «Напоминать о ком-то» и «напоминать кого-то/что-то» – это все-таки не одно и то же, верно?

– Конечно. Здесь, наверное, тоже сказывается разница в менталитете.

– Но я хотел бы взглянуть на статью Барнса.

– Он назвал свой текст «рассказом» и посвятил его вам. Я читал русский перевод.

– Не могли бы вы поискать оригинал в Сети?

– Я уже нашел, пока мы говорили. Вот этот рассказ – в «Нью-Йоркере».

– Но здесь все верно. Процитировано точно. Не понимаю, почему эта фраза ему не понравилась.

– Она не понравилась и русским переводчикам.

– Я имел в виду, что эта девушка, Рената, извлекала из своей гортани такие же волнующие звуки, как Пабло Казальс

– из своей виолончели. Вам это сравнение тоже кажется неуместным?

– Я равнодушен к женским голосам. Меня больше привлекает тень. И не волнует, а успокаивает. Во мне слишком много страстей, поэтому я ищу покоя.

– Что ж, посидеть в тени хорошо, особенно после удачной охоты.

лучшее лекарство

– Победа – лучшее лекарство от всех невзгод, – сказал Ницше. – А самая большая невзгода для человека – это он сам. Да здравствует победа над самим собой!

– Одерживать мелкие победы над миром, сознавая, что потерпел поражение в главном, – я давно понял, что ничего другого не остается, – сказал Хемингуэй и вставил в ружье второй патрон.

все бесполезно

Ниц.: Вы могли бы съесть жабу?

Хем.: Я ел змей. Почему бы мне не съесть и жабу?

Ниц.: А случилось, что змея заползала вам в глотку, когда вы спали?

Хем.: Вас раздражает мой храп? Говорите прямо, мой друг. Я знаю, что храплю. Но этому не помочь. Чего я только не пробовал – все впустую.

апология

«Он убивает животных и птиц! Он женится и разводится и снова женится и снова разводится, заводя попутно чернокожих любовниц, от которых приживает десятки детей! Он тиранизирует друзей и знакомых! Он насмехается над коллегами по литературному ремеслу! Он не бреется, не носит нижнего белья, от него плохо пахнет! Он пьяница. У него сотня осколков в одной ноге, и еще сотня – в другой. Похоже, что в голове у него тоже засел осколок». – Так говорят те, кто ничего не понимает в искусстве, кто не знает, что рачительный хозяин удобряет свои поля навозом.

танец

Ниц.: Что вы делаете?

Хем.: Танцую.

Ниц.: Вы называете это танцем? Эти дикие движения? Эти дикие вопли?

Хем.: Если ваш танец лучше моего, я сяду и посмотрю.

Ниц.: Вы правы! Иногда нужно попрыгать козлом и покричать чайкой, чтобы не сойти с ума.

Хем.: Повторяйте это себе почаще, мой друг. А сейчас присоединяйтесь ко мне.

прощальный салют

Хем.: Ну вот, кажется всё.

Ниц.: Может, навалить сверху еще чего-нибудь?

Хем.: Посмотрел бы я на ловкача, который выберется отсюда.

Ниц.: Я видел кино – там одна девчонка выбралась из гроба, пробив крышку рукой.

Хем.: Такое только в кино бывает.

Ниц.: Кажется, я уже слышу запах тления!

Хем.: Старичок-то прогнил насквозь.

Ниц.: Но без нас он бы протянул еще долго.

Хем.: В том-то и дело. От него воняло уже при жизни.

Ниц.: Нужно, наверное, отметить это место. Поставим крест?

Хем.: Отметим вот так (*мочится*).

Ниц.: Ну, не знаю... Это как-то...

Хем.: Нормально. И устроим салют (*стреляет из ружья*).

Ниц.: Похоже на похороны героя.

Хем.: Опять не нравится?

Ниц.: Нет-нет. В каком-то смысле он действительно был героем.

Хем.: А теперь – в трактир!

в своем кругу

Н.: Самое мудрое, что может сделать человек, – это найти для себя свой круг. В своем кругу чувствуешь себя у себя самого. А в чужом кругу, или, вернее, в кругу чужих, и сам себе делаешься чужим.

Х.: Я бы сказал проще: нужно общаться только с теми людьми, которые читают те же книги, что и ты.

Н.: А какие книги вы читаете?

Х.: Я читаю Твена, Крейна и Джеймса.

Н.: И Андерсона?

Х.: Нет, Андерсона я не читаю.

Н.: Странно, я читаю совсем других авторов: Кафку, Джойса, Беккета, Бротигана... Наши круги не пересекаются.

Х.: Выходит, нет.

Н.: Почему же тогда мы вместе?

Х.: Не знаю. Это одна из тех роковых загадок, до которых вы большой охотник, мой друг.

восхищаться и презирать

Ниц.: Презираете ли вы себя так же глубоко, как я презираю вас?

Хем.: Иногда – да, иногда – нет. Но в любом случае вас я презираю больше.

Ниц.: Как бы ни было глубоко ваше презрение, оно не сравнится с тем, которое я испытываю к самому себе.

Хем.: Тщеславие! А ведь недавно вы говорили, что вырвали его с корнем.

вилла на берегу

Н.: Будь у меня средства, я бы построил виллу на берегу моря, и вы каждое лето могли бы приезжать ко мне погостить.

Х.: Вам здесь не нравится? Вы хотите, чтобы нас было трое – я, вы и море?

Н.: Если выбирать между вами и морем...

Х.: Это лишнее. Я уже построил финку во Флориде. И скажу прямо: среди приглашенных на пять лет вперед вас, дорогой друг, нет.

отмена полета

Н.: Вы заманили меня сюда, в это уединение. И зачем? Моя жизнь проходит впустую. Я не вижу людей. Люди не видят меня. Я как бы не существую. Беркли прав. Если никто тебя не видит, не слышит, не осязает, то ты и не существуешь.

Х.: А я не в счет?

Н.: Одного слишком мало, даже если это вы.

Х.: Пусть нас не видят, не слышат, не обоняют. Пусть никто нам не пожимает руки. Но зато нас читают. Вам этого недостаточно?

Н.: Вас, может, и читают, а меня – нет. Мне кажется, общаясь с людьми, я произвел бы на них больше впечатления своим обликом, чем сейчас – своим словом.

Х.: Вряд ли. Когда-то я вел бурную жизнь, общался со множеством людей, путешествовал, играл в карты, боксировал, писал в газеты. Вы думаете, это имело какое-то значение? Никакого! Меня считали компанейским парнем, и только. А теперь мои романы читает весь мир, и люди строят свою жизнь по тому образцу, который я для них создал.

Н.: Но речь обо мне...

Х.: Не беспокойтесь. Ваши книги тоже будут читать. Может быть не в следующем году и не в следующем веке. Но через два-три столетия...

Н.: И они окажут такое же действие, какое сейчас производят ваши романы?

Х.: Может, и посильнее. Вы пишете в таком необычном жанре... Я, несмотря на все уловки, гораздо ближе к традиционной прозе.

Н.: Спасибо!

Х.: Так вы остаетесь? Где ваш билет на самолет?

Н.: Вот он.

Х.: Давайте сюда. Его больше нет. Видите: клочки догорают в костре...

Н.: Наш разговор так меня взбодрил, что я вряд ли усну. Посижу тут, подумаю, что-нибудь напишу.

Х.: Как хотите. А я почитаю перед сном. Вы говорили, что Бротиган – хороший писатель.

Н.: Да? Не помню. Я переполнен мыслями. В моей голове – тысячи планов. Сейчас мне кажется, что лучший писатель – это я.

время для смеха

Ниц.: Ха-ха!

Хем.: Ха-ха-ха!

Ниц.: Ха-ха-ха-ха-ха!

Хем.: ХА-ХА-ХА!

Ниц.: Хо-хо-хо-хо-хо!

Хем.: Хи-хи!

Ниц.: Хе-хе-хе!

Хем.: Ха!-ха!-хи!-хи!-хе!-хе!-хо!-хо!

Ниц.: Уф. Давно я так не смеялся.

Хем.: Я тоже.

Ниц.: Теперь – за работу. Подумаю немного о вечном вращении.

Хем.: А я напишу пару строк.

Ниц.: После смеха думается лучше.

Хем.: И пишется.

Ниц.: Будто окатил себя ледяной водой.

Хем.: Или нокаутировал кого-то. Ха...

Ниц.: Кто первый засмеется, тот моет сковороду.

Хем.: Согласен.

бессонница говорит

Н.: Я всегда ругал алкоголь. Я называл его ядом, отравляющим европейцев, ядом, которым они отравляют самих себя. Но сейчас... Меня одолевают сомнения. Что мы тут делаем, Папа? В пустыне, далеко от столиц... и вообще от любых городов. До ближайшего человека сотни километров. Может быть, тысячи. Порой мне кажется, что мы живем в другой галактике, и до ближайшего человека сотни тысяч световых лет. Как мы здесь оказались? Без человека самая прекрасная планета кажется пустыней. А если это действительно пустыня, если это не иллюзия... Ах, как бы я хотел, чтобы все это было сном!

Х.: ...

скверные времена

– Написать что-то дельное – сейчас этого мало. Вы написали чудесную книгу – «В наше время». Но кто ее читает? И кто может перечислить по памяти названия всех ваших книг? Талант сейчас – не первое дело, и даже не второе и не третье.

– А что же идет первым?

– Известность, но достигаемая каким-то другим, не литературным путем. Раньше известность следовала за талантом. А теперь она бежит впереди него. Таланты создает реклама.

– Вы преувеличиваете.

– Нисколько! Я смотрю телевизор и часто захожу в Сеть. У меня есть аккаунт на Фейсбуке и подписка на все сайты европейских, североамериканских и австралийских газет.

– Что же там про меня пишут?

– Почти ничего. Ваша популярность не сравнится с популярностью ***.

– Какая досада!

– Вам нужно зарегистрироваться в социальных сетях. И создать свой собственный сайт. Возьмите пример с +++!

– Кто это? Еще один ***?

– Нет. Это хороший писатель. Но он понимает значение масс-медиа в наши дни.

– Я уже написал когда-то о «наших днях». С меня хватит.

– Вы так безразличны к собственной славе?

– Если верить вам, то настали скверные времена. Лучше держаться от них подальше. Вот что: давайте зароем ваш... планшет... в песок.

– Мне сейчас не до шуток.

– Понимаю. У вас тяжелые минуты.

– Что это значит?

– Бывают тяжелые времена, а бывают и тяжелые минуты. Разница в том, что вторые проходят быстрее. Как говорится, утро вечера мудренее.

– Не знаю... Я все чаще думаю: «Какой во мне толк?»

– Какой от вас толк? Вы чистите ружья. Помогаете свежевать дичь. Разводите костер. Моете посуду. Рассказываете мне о новых писателях.

– Я мечтал о другом.

– По крайней мере, вы сохранили свой голос. Там, на людях, вы могли бы осипнуть, а то и онеметь. С кем бы я тогда разговаривал?

– Вы думаете, этого достаточно?

– Да.

– Что ж, мое положение вряд ли переменится. Так стоит ли о нем рассуждать?

– Вот именно. Берите ружья: еще светло, постреляем по банкам.

странное предположение

– Недавно я подумал: а что, если мы умерли? Я видел много фильмов, где все персонажи погибли – они мертвы, но не помнят об этом. Все происходит как бы в реальности, но то и дело случается что-то странное, необъяснимое. В конце концов они догадываются, что мертвы.

– А разве с нами происходит что-то странное?

– Сегодня вы промахнулись два раза.

– Это ничего не доказывает.

– Доказать тут ничего и нельзя. Это лишь намеки, знаки. Утром я понял, что забыл итальянский.

– Завтра вспомните.

– Вы закрываете глаза на проблему. Не хотите смотреть фактам в лицо.

– Смотреть фактам в лицо? Вот язык, которого я не переношу.

– Факты – упрямая вещь.

– ...

– Пусть вам это не нравится, но факты...

– Довольно! А не то и вправду случится что-то странное.

– Что же? Вы меня прикончите? Если я мертвец, мне все нипочем.

– А если нет?

– Тогда я умру в полной уверенности, что я прав.

– Почему вам так нравится представлять себя мертвецом?

Это странно.

– Вот видите!

– Глупости. Я еще в детстве слышался историй о мертвых конфедератах. Были и поинтереснее этой.

– Одно дело – слушать о мертвецах, а другое – быть таким мертвецом, «посмертником», homo post humus. Посмотрите вокруг. Посмотрите на мое лицо. Посмотрите на свои руки. Все это странно – вы не находите?

– Напрасно я дал вам почитать Бирса.

– Я уже читал до него «Барона Багге».

– Холения подражал Бирсу. Слушайте, зачем спешить? Делать какие-то выводы? Умереть мы успеем. Держу пари, охота завтра будет удачной, и вы забудете о своих «намеках».

– Может, я и правда напрасно тревожусь? Живы мы или нет – какая разница! Что бы с нами ни приключилось, это нужно принимать спокойно. Amor fati – великий принцип. Я давно уже пытаюсь полюбить судьбу, и сейчас, кажется, подходящий случай, чтобы проверить, насколько мне это удалось.

семь дней с Заратустрой

день первый

В детстве я любил читать романы Жюль Верна. Каждый роман я прочел по несколько раз. Температура в них обычно указывалась по шкале Фаренгейта, и я пытался запомнить, чему равен нуль Фаренгейта по шкале Цельсия. Мне это почему-то не удавалось. Через много лет, получив диплом о высшем образовании, я снова попробовал запомнить эти цифры – и снова безуспешно.

«Это потому, что ты – оседлый человек, – сказал Заратустра. – Ты привязан к Цельсию и своему месту. Ты не выучил толком ни одного иностранного языка. Ты не помнишь ни одного иностранного флага. Нет, ты не путешественник. Ты похож на лежащий камень. Может быть, поэтому тебе так нравятся Верн, Дюма и вообще приключенческие романы».

день второй

Утром пришел Заратустра, и я обрадовался ему. Но Заратустра недовольно сказал:

– Почему ты радуешься, когда кто-то нарушает твое уединение? Разве ты не знаешь, что человек бывает самим собой только в одиночестве?

– Если бы ты был живым, настоящим, твой упрек имел бы какой-то смысл, – сказал я. – Но ведь я выдумал тебя.

– Ты?! Выдумал меня?! – воскликнул Заратустра. – Наоборот. *(После паузы.)* Что? Ты думаешь, я скучал в своем одиночестве? Нет. На то были другие причины.

Я пытался вспомнить день, когда впервые увидел Заратустру, и не мог этого сделать.

– Ничего странного, – сказал он. – Я прихожу незаметно и незаметно ухожу. Но в моем присутствии мир шатается, словно пьяный.

– Как долго я блуждал, пока не встретил тебя, Заратустра! – сказал я. – Лишь теперь, когда жизнь моя на закате, я встретил тебя. Почему мы не встретились раньше?

– Я – человек заката, – сказал Заратустра. – Можно сказать, я и есть закат.

– А как же твои славословия утренней заре?! – воскликнул я. – Разве ты – не утренняя заря?

– Может быть, и так, – сказал Заратустра. – Но для тебя я – человек заката. Какая разница, чем я могу быть для других?

день третий

Вечером Заратустра не ушел, как обычно, а остался со мной. Мы сидели молча и смотрели на море. Тихо плескали набегавшие волны.

– Есть люди заката и люди полудня, – сказал Заратустра.

– А утренние люди? – спросил я. – Такие тоже есть?

– По рождению все мы – утренние люди. Но к тридцати годам остаются только люди полудня, вечера и сиесты.

– Сиесты?

– Это те, кто много работает, чтобы в старости отдохнуть. И те, кто вообще не работает.

– А люди ночи?

– Есть и такие: люди, ушедшие в ночь. О них нужно говорить в прошедшем времени.

– Ушедшие в ночь? – переспросил я. – Заратустра, меня утомляет твоя привычка объясняться метафорами. Скажи прямо, какой род людей ты считаешь лучшим и почему?

– Самый лучший человек еще не родился, – сказал Заратустра. – А из тех, что живут или жили, лучшие – это мы.

– Но почему же лучшие люди не испытывают радости от того, что они лучше всех?

– Потому что они оставили свои победы позади себя, – сказал Заратустра.

– Не хочешь ли ты сказать что-нибудь уходящему дню? – спросил Заратустра.

– Возвращайся, – сказал я, – и приводи с собой Заратустру.

день четвертый

– Я помню время, когда мне хотелось, чтобы каждая минута моей жизни была посвящена достижению какой-то великой цели. Я искал эту цель, но не находил. Дни моей жизни протекали впустую. То была великая скорбь – чувствовать, как бесплодно растрачиваешь себя.

– И в результате ты пришел к мысли, что бесплодно растрчивает себя весь мир?

– Да. Это было большим облегчением – знать, что участвуешь в общей судьбе.

– То есть ты придумал что-то вроде подвеса, подъемного крана. Ты решил облегчить себе ношу. А я здесь как раз для того, чтобы возложить тяжесть на плечи тех, кто пытается облегчить жизнь. Я здесь ради всех немощных, ради тех, кто изобретает домкраты, подвесы и подъемные краны.

И Заратустра положил руку мне на плечо.

день пятый

– Можно ли здесь утонуть? – спросил я. – Иногда это море кажется мне таким мелким!

– Ты никогда не заходил в него дальше, чем на тридцать шагов, – сказал Заратустра.

– Я шел – и ничего не менялось. Что, если это мелководье тянется до самого горизонта?

– Этого мы не узнаем: горизонт всегда убегает; догнать его невозможно. Поэтому остается место для надежды.

– Ты ли это сказал, Заратустра?! – воскликнул я.

– Нет, – сказал Заратустра. – То был голос самой глубокой из всех глубин.

– Было время, – сказал я, – когда я не знал, чем себя занять. Меня ничто не увлекало, не привлекало. Все казалось пустым и бессмысленным – любое занятие, любая цель.

– И что же? – спросил Заратустра.

– Я выдумал себе идеал.

– Отлично. А дальше?

– Идеала этого хватило на пару лет. Потом пришлось выдумывать новый.

– И когда ты выдумал третий, четвертый, пятый, ты наконец понял...

– Я понял, что самое интересное – это выдумывать идеалы.

– После чего твои поиски завершились: ты нашел идеал, который никогда уже не сменится другим идеалом.

– Поэтому я здесь, рядом с тобой. Иначе я не сумел бы сюда добраться.

– Но ведь я-то сюда добрался, – сказал Заратустра.

– Заратустра, я потерял сон, – сказал я. – В темноте я слышу, как плещется море. И слышу много других шумов. Некоторые кажутся мне голосами. Я вслушиваюсь в них и не могу уснуть. Что мне делать?

– Эти голоса – твой собственный голос. Ты говоришь сам с собой. А теперь подумай: что бы ты мог сказать себе, чего прежде не знал?

«И правда! – обрадовался я. – До чего умен этот Заратустра! Сегодня я наконец высплюсь – впервые за много дней».

день шестой

– Заратустра! – воскликнул я. – Мы тратим время впустую. Мы тратим впустую время своей жизни, самое дорогое из всех времен. Мы должны вернуться к людям. Все, что происходит вдали от людей, происходит напрасно. Здесь, в пустыне, мы теряем реальность. Отшельники нереальны, даже если их двое. Вернемся к людям!

– Ха-ха-ха! – засмеялся Заратустра. – Ты соскучился по теплу. Научись переносить холод – тогда у тебя будут хоть какие-то шансы. Но если ты тоскуешь о тепле, шансов у тебя никаких.

день седьмой

Заратустра говорил о смехе и судьбе, но я не слушал его: черный дрозд носился в моем сердце.

Черный дрозд сел на плечо Заратустры, и тот вздрогнул. «Посмотри, что случилось с моим орлом», – сказал он, и слова его прозвучали невнятно, будто издалека.

Заратустра всматривался в горизонт, и взгляд его напоминал взгляд черного дрозда, собирающегося перелететь на другую ветку.

СМЕХ ИЗДАЛЕКА

предложение помощи

Я был среди тех, кто слушал Заратустру на площади, и я помогал ему нести труп канатного плясуна. «Кто этот человек? – спросил я Заратустру. – Почему ты так заботишься о его останках?» – «Это мой брат по профессии, – сказал Заратустра. – Я тоже разбился на ярмарке. И сейчас мне кажется, что я несу труп самого себя».

Дрожь пробрала меня, и я чуть было не выпустил ноги трупа. Но, собравшись с духом, продолжал нести еще теплое тело. Когда мы вышли из городских ворот, солнце уже садилось. «Почему бы нам не нанять повозку и не отвезти тело на кладбище?» – спросил я. – «Для такого, как он, любое кладбище будет неподходящим, – сказал Заратустра. – Но ты ничем мне не обязан. Ты можешь оставить меня здесь и вернуться. Ты ведь просто случайный зритель». – «Ну нет, – сказал я. – Донесем его вон до того леска и там закопаем». – «Только не ошибись, когда будешь закапывать, – сказал Заратустра, – и не закопай вместо него меня».

проводник навсегда

– Я давно собирался уйти из этого города, – сказал я, – но мне хотелось найти попутчика. Не было у меня достаточно веры в свой идеал, чтобы странствовать одному. Сколько раз выходил я за городские ворота – и всегда возвращался. Я привык к магазинам, офисам, ресторанам, казино. Я привык по утрам искать, где бы припарковаться, а ночью – чем себя усыпить. Но с юности мне грезилась какая-то другая жизнь. Вот только я не мог объяснить себе, что она собой представляет.

– А теперь ты знаешь, куда идешь? – спросил Заратустра.

– Я знаю только, что иду вместе с Заратустрой, и мне этого достаточно.

– Но что будет, если однажды ты проснешься, и меня не будет рядом с тобой?

– Как же ты оставишь меня? Ведь мы с тобой убили канатного плясуна.

– Что ты говоришь?! – вскричал Заратустра.

– Он был еще жив, когда мы его несли, – сказал я. – И он еще дышал, когда мы его закопали.

– Ты в этом уверен? – спросил Заратустра.

– Еще бы, – сказал я. – Теперь мы связаны прочнее, чем кандалами. Ты не можешь меня бросить. Теперь ты мой проводник навсегда.

– И тебе неважно, куда я тебя веду? – спросил Заратустра.

– Представь себе, да, – ответил я.

два вопроса

– Друзья ли мы, Заратустра? – спросил я.

– Что претерпел я от тебя, чтобы ты стал моим другом? – сказал он.

Я посмотрел на него и не увидел даже тени улыбки.

возвращение Заратустры

Заратустра сказал, что ему нужно идти. Он ушел и не возвращался три года. Все это время я ждал его в трактире «Пеструшка». Он не сказал, когда вернется. Прошло время, и мое ожидание стало отдавать горечью, и тогда я припомнил, что Заратустра не сказал, вернется ли он вообще. Он ушел, предупредив, что уходит, и не обещал вернуться. А я не спросил его об этом. Я не спросил, как долго мне нужно ждать его и нужно ли ждать вообще. Три года тянулось мое ожидание. За это время я познакомился с завсегдатаями трактира и множеством случайных посетителей. Иногда мне казалось, что в ком-то из вошедших я узнаю Заратустру. Но всякий раз я обманывался. И вот, когда уже терпение мое было на исходе, Заратустра вернулся. Я сразу узнал его – облик его почти не изменился. Он обратился ко мне так, будто никуда и не уходил, но при этом дал понять, что помнит, как долго отсутствовал. «Пиво здесь все такое же горькое?» – спросил он. Я

кивнул. Язык меня не слушался. Я готов был расплакаться и не хотел, чтобы Заратустра это заметил.

Оглянись!

Заратустра любил рассказывать притчи и анекдоты. Но все притчи его были о животных и птицах, и анекдоты его тоже походили на басни, потому что их населяла разная живность – жуки, змеи, млекопитающие, – все что угодно, кроме человека.

– Почему ты никогда не говоришь о людях? – спросил я Заратустру. – Ты, хвалитель честности и прямоты, почему ты не говоришь о людях прямо, а только обиняками?

– По-твоему, животные – это обиняки человека? – сказал Заратустра. – Напротив, это люди – обиняки животных: некоторые – обиняки зверей, некоторые – птиц и рыб, а есть и такие, которые обиняки червей и личинок.

– Да черт с ними, личинками и червями! – воскликнул я. – Мне скучно в твоём террариуме. Как будто мы в Парке юрского периода!

– Так оно и есть, – сказал Заратустра. – Оглянись!

великая мысль

Весь день Заратустра был задумчив. Мне это нравилось, потому что я устал от его речей. Но к вечеру его молчаливость стала меня тревожить.

– О чем ты думаешь? – спросил я. – Солнце уже садится, а ты еще не сказал ничего нового и вообще ничего не сказал.

– Пришло время для моей самой тяжелой мысли, – сказал Заратустра. – Но я не могу еще выговорить ее

– Попробуем сделать это вместе, – предложил я. – Разделим тяжесть на двоих.

Заратустра покачал головой.

– Эту тяжесть невозможно разделить, – сказал он. – Я должен выговорить эту мысль сам. А все остальные будут нести ее по одиночке.

– Ничего не изменилось, – сказал я. – Ты по-прежнему – адвокат одиноких.

– Не всех, – сказал Заратустра. – Есть такие одинокие, которые хуже толпы. Но моя великая мысль отделит их от настоящего одиноких. Только те и выживут, кто по-настоящему одинок.

– Выскажи наконец свою мысль, – поторопил я его, – и пойдем ужинать. Принюхайся, какие запахи доносятся из трактира!

– Слишком тонкое у тебя обоняние, – сказал Заратустра. – Как бы не оказаться тебе среди тех, кого раздавит моя великая мысль.

– Ну хорошо, – сказал я. – Достаточно и того, что ты говорил. А мысль пусть подождет.

Я подхватил его под руку и повел к трактиру.

случай на дороге

Однажды я почувствовал усталость и сел на дороге. Я сидел в пыли, а Заратустра прохаживался вокруг меня. Наконец он сказал:

– Если бы в руке у меня была крепкая палка, ударил бы я тебя этой палкой, чтобы выбить из тебя твою лень. Но нет у меня посоха, а пинать тебя ногой – значит унижать мою ногу. Поэтому оставайся там, где сидишь, а я пойду дальше. Если силы вернуться к тебе – ты знаешь где меня искать.

И он ушел. Усталость моя была так велика, что я не мог даже помахать ему на прощание.

Дальше и дальше уходил Заратустра, и когда он совсем скрылся из виду, меня охватил смех. Долго смеялся я, удивляясь, откуда у меня берутся силы для смеха. А потом вскочил и быстро зашагал по дороге. Заратустра всегда ходил быстрее меня, но я знал, что к вечеру догоню его.

время заката

Когда я нагнал Заратустру, солнце уже касалось холмов. Заратустра стоял и смотрел на закат.

– Всего прекраснее мир в час заката, – сказал он, не оборачиваясь.

– Ну да! – сказал я, с трудом удерживаясь от смеха.

старые знакомые

Мы сидели за столиком кафе на площади в Риме.

– Посмотри, – сказал Заратустра, – вот идет Джек Лондон.

– Джек Лондон? – переспросил я.

– Старый знакомый. За ним – Уитмен.

– А это кто?

– Тоже старый знакомый. И вот еще один – Эмерсон.

– По виду, все трое – американцы.

– Так и есть.

– Может быть, они ищут тебя?

– Вряд ли. Они слишком разные, чтобы искать одно и то же.

– Но ведь ты знаком с каждым из них?

– Это они думают, что знакомы со мной, – сказал Заратустра и закрыл лицо винной картой.

беглецы

– Много было тюрем на нашем пути, – сказал Заратустра. – Из некоторых мы сбежали, а некоторые обошли. Теперь мы – самые свободные люди на этой земле.

– А привычка к странствиям? – сказал я. – Не ты ли говорил, что любая привычка – это тюрьма?

– Ты все понимаешь слишком буквально, – сказал Заратустра. – В твоём уме нет никакого люфта – все привинчено намертво. Боюсь, ты буквально поймешь и эти мои слова.

праздник

Люди в городе были нарядно одеты. Играла музыка. Мимо нас шла торжественная процессия.

– Что они празднуют? – спросил я.

– День независимости, благодарения, труда, матери, весны, солнцестояния, урожая, завершения, начала, воздвижения, разрушения, любви, гнева, верности, измены... У них всегда найдется что праздновать. Поистине, они ведут счастливую жизнь, – сказал Заратустра.

– А есть ли у нас какой-то повод для праздника? – спросил я.

– Тебе тоже захотелось немножко счастья? – насмешливо сказал Заратустра. – Празднуют только те, кто обречен на труд. Праздные люди, вроде нас, трудятся ради будущего. В

этом их счастье – сделать так, чтобы наступающее оправдало прошедшее.

Едва он договорил, как к нему подбежала девушка, накинула на шею гирлянду цветов и поцеловала в щеку.

– Похоже, настоящее высоко ценит твой труд ради будущего, – сказал я.

– Что Заратустре до настоящего! – улыбнулся Заратустра и коснулся пальцами своей щеки.

близко к полуночи

– Если не удалось наше путешествие, – сказал я, – значит ли это, что не удалась и мы? И если мы не удалась, то не было ли наше путешествие обречено на неудачу еще до того, как началось?

– Пустые вопросы, – сказал Заратустра. – Ты все еще в ловушке старых противопоставлений – причина и следствие, основание и вывод... Забудь о них. Может быть, наши ноги были обречены на это путешествие, а путешествие – на неудачу. Но узнать это мы сумеем, только попытавшись пройти свой путь.

– Значит, все, что нам остается, это попытки, авантюры? – спросил я.

– Само существование мира – попытка, не более, – сказал Заратустра. – А уж нам остаются только попытки попыток. Мо-

жет быть, я зря ограничился двумя словами. Может быть, слово «попытки» нужно здесь употребить пять раз или больше.

– Это все равно что представлять нас тенями теней теней и так далее, – сказал я.

– Мир и есть тень без предмета, – сказал Заратустра.

– Тень, отбрасывающая другую тень? – уточнил я.

– Не стоит искать последнего определения, – сказал Заратустра. – Нет последних вещей, и нет первых вещей. Нет последнего человека, и нет первого человека.

– Раньше, мне кажется, ты говорил по-другому, – заметил я.

– «Раньше» – это другое время. Когда оно вернется, я повторю это еще раз. Но сейчас я говорю: нет ни первых, ни последних. И вот этот бокал вина, который ты пьешь, – разве он первый или последний?

– Бокал – точно нет, – сказал я, радуясь, что могу ответить с уверенностью.

– Вот так и со всем остальным, – сказал Заратустра.

Тянуло ночной прохладой. Мы были единственными посетителями в зале, и трактирщик собирался запирать дверь.

сила без границ

Мы распили две бутылки, и Заратустра неожиданно захмелел. Язык у него стал заплетаться, глаза – косить, и вскоре он свалился возле меня и захрапел.

– Дух Франции победил Заратустру! – засмеялся я.

– Не дух, – пробормотал, очнувшись, Заратустра. – Меня победила земля – та земля, которая не знает границ.

шутка

– Все бесполезно, – сказал я. – Наше странствие бесполезно. Никогда нам не найти высшего человека. Высший человек – это выдумка, призрак воображения. Такой человек никогда не появится ни на этой земле, ни на какой-то другой. Никогда не появится человек, который сумел бы жить без цели и смысла, не нуждаясь в иллюзиях, – разве что он будет наполовину автоматом.

– Случайно ты угадал будущее, – сказал Заратустра. – В разных странах уже работают над созданием «гумаников». Это будут человекообразные автоматы. В них воплотится моя мечта о сверхчеловеке.

– Но разве автоматам не нужна будет программа, задающая правила поведения? И разве такая программа не сделает их большим подобием человека, чем ты рассчитываешь?

– Программа – это совсем не то, что цель, – сказал Заратустра. – Я всегда говорил, что миром правит необходимость, и что эта необходимость делает излишними наши понятия воли и цели. То же произойдет и с гуманиками. Они не будут задаваться вопросом о конечной цели их существования. Они будут сверхавтоматами и сверхлюдьми.

– Нельзя ли увидеть такого гуманика? – спросил я.

– Он перед тобой, – сказал Заратустра. – Ты давно уже путешествуешь с копией Заратустры. А настоящий Заратустра отдыхает в своей пещере.

– Но как же... – растерянно начал я.

Мой спутник рассмеялся и легонько ударил меня в живот.

– Ага! – сказал он. – Ты поверил! Легковерие – врожденный недуг человечества. И ты до сих пор не избавился от него.

Шутка не показалась мне смешной, и весь день я дулся на Заратустру. Того, впрочем, это нисколько не беспокоило. Он долго играл в кости, выиграл кучу денег и почти всё роздал нищим, караулившим его у дверей.

на лугу

Мы свернули с дороги и оказались посреди коровьего стада. Тихо лежали коровы на траве и жевали. А иные стояли и жевали. И все они обмахивали себя хвостами.

– Посмотри на них, – сказал Заратустра. – Они уже нашли свое счастье.

– Но когда они вернутся в стойло, – сказал я, – им захочется, чтобы кто-нибудь их подоил. Не бывает полного счастья на земле, да и неполного тоже. Поэтому давай поскорее выберемся из этого стада жующих и обмахивающихся. Не ты ли говорил, что есть другие звери, гордые и мудрые, не похожие на коров? Найдем этих зверей и научимся у них гордости и мудрости.

– Но сначала я хочу представить себя коровой, – сказал Заратустра. Он лег на траву и закинул руки за голову. В это время солнце вышло из-за облаков, и солнечный луч упал на лицо Заратустры.

– Ох! – вскричал Заратустра. – Я чуть не ослеп. А может быть я ослеп? Кто это вокруг меня? Кто эти существа, похожие на коров?

– Это и есть коровы, – сказал я. – Успокойся. Твои глаза видят все правильно.

– Но если это коровы, то что мы делаем среди них? – воскликнул Заратустра. Он оглянулся по сторонам и устремился к ближайшей лесной опушке. Мне пришлось очень постараться, чтобы его догнать. Ни одна корова не замычала нам вслед.

О ЛИСТЬЯХ

В полдень мы сидели под деревом и слушали, как шелестят листья.

– О чем они шепчутся, Заратустра? – спросил я.

– Какая разница? – сказал он. – Оседлые души всегда найдут, о чем поболтать. Но слышал ли ты, чтобы шелестел листок, летящий по ветру?

– Глубока твоя мысль! – воскликнул я. – И все же – да, я слышал, как говорит странствующий листок, – я слышал тебя, Заратустра!

слова бесполезны

– Заратустра, – сказал я, – беда в том, что ты странствуешь давно. Ты странствовал и до того, как мы встретились. Ты прошел много дорог, побывал на многих вершинах, спускался в глубокие пропасти, и тому, кто хочет понять твои слова, нужно пройти теми же путями, побывать на тех же вершинах, спуститься в те же бездны. Без этого понять тебя невозможно.

– В общем, ты прав, – сказал Заратустра. – Я как раз думал о том, что лучше учить тебя по-другому, – и он ударил меня посохом по плечу.

– Неужели ты хочешь научить меня дзенской мудрости? – спросил я, потирая ушибленное место.

Вместо ответа Заратустра ударил меня еще раз.

смех издалека

– Подожди меня, Заратустра! – крикнул я. – Долог наш путь, и мало на нем привалов. Устали ноги мои. Пот заливают мои глаза. Я голоден.

– Ха-ха-ха! – послышался издалека чей-то смех, и я не поручился бы, что это был смех Заратустры.

остановка в пути

– Куда ни посмотрю, везде я вижу неудачу, – сказал Заратустра. – Ничто здесь не удастся – ни хорошее, ни плохое. Самое грустное, что не удаются высшие люди.

– А мы? – спросил я его. – Мы тоже не удались?

– Кто бы мог подумать обратное? – сказал Заратустра. – Достаточно посмотреть на нас и вспомнить, как мы провели эту ночь.

Никогда еще я не видел Заратустру таким удрученным.

– Похоже, змея заползла тебе в глотку, когда ты спал, – сказал я.

– О да, сегодня все змеи мира в моей утробе, – сказал Заратустра и оперся на посох, переводя дух.

вопрос об островах

– Где же твои блаженные острова? – спросил я. – Мы идем так долго, а еще не дошли и до берега.

– Не в том ли блаженство, чтобы стремиться к цели? – сказал Заратустра. – Я – тот, кто дает цель и блаженство. А островами и прочим пусть занимаются океанографы.

– Это софистика! – возмутился я. – Ты увлек меня за собой обманом.

– Для того, чтобы жить, нужно обманываться, – сказал Заратустра.

– Но я жил и до тебя, – возразил я.

– Ты уверен? – спросил Заратустра, и на миг мне показалось, что со мной говорит герой голливудского боевика.

неожиданный обмен

Однажды нам встретился торговец животными, и Заратустра выменял у него на своих зверей старого осла.

– Что ты сделал? – удивился я. – Ты предал своих лучших друзей! Зачем нам осел? В нем – ни мудрости, ни гордости. Что ты задумал?

– Я решил перестать думать, – сказал Заратустра. – Ты что-то говорил о дзенских монахах. Так вот: теперь я буду проповедовать дзен. Разве ты еще не понял, что мое учение, доведенное до логического конца, переходит в дзен? И разве мы к этому пределу не подошли?

С этими словами Заратустра хлестнул осла плеткой, и осел закричал: И-А!

приближается неизвестный

приближается неизвестный

Обустроивая свою нору, Кафка думал, что найдет в ней превосходное убежище от всех врагов. И действительно, долгое время ничто не нарушало окружавшей его тишины. Но потом он начал различать слабые звуки, которые с каждым днем делались все громче, – кто-то работал под землей, приближаясь к его жилищу. Охваченный тревогой, Кафка укреплял стены, заваливал одни ходы, рыл другие. Он не знал, кто приближается к нему, и на всякий случай готовил пути для бегства.

встреча в Турине

Темным январским днем на одной из площадей Турина Франц Кафка встречается Фридриха Ницше.

– Как? Это вы, господин профессор? – спрашивает изумленный Кафка.

Ницше берет Кафку за локоть и увлекает подалее от толпы, на ступеньки памятника Карлу Альберту.

Я знаю, меня нелегко узнать, – шепчет он, – и я делаю все возможное, чтобы остаться неузнанным. Я в совершенстве овладел искусством артистического макияжа. Каждый день я начинаю с новым лицом и выхожу из дому в новой одежде. Я трачу на гардероб половину своих средств. Остальная часть уходит на бумагу, чернила и телеграммы государственным деятелям, представителям интеллектуальной и художественной элиты. Я пишу и Папе Римскому. Хорошо, что торговцы снабжают меня бесплатно зеленью и морепродуктами. Вы не представляете, как доброжелательно они ко мне относятся. Моя философия, конечно, им недоступна. Но они проницательны, как все простые люди, и по одной лишь моей походке понимают, что имеют дело с необыкновенным человеком. Я слышал также, что в Праге некто Франц Кафка организовал еженедельные семинары, посвященные моей философии. Меня это радует. Если бы вы приехали из Праги и собирались в нее вернуться, я бы попросил вас передать привет и мою глубокую благодарность этому замечательному человеку. Говорят, он пишет интересные книги. К сожалению, состояние моего зрения вынуждает меня ограничиться чтением только собственных сочинений. Да и в них я многое пропускаю. Как бы то ни было, я рад нашему знакомству. Всего хорошего, мой новый друг. Если вы из Праги, не забудьте передать привет Францу Кафке.

Ницше приподнимает шляпу, кланяется и спешит на другую сторону площади, где извозчик, громко ругаясь, хлещет кнутом выдохшуюся лошадь.

альпинисты

В горах раздается веселая переключка. «Эгей!» – кричит Ницше. «Эгей!» – отвечает ему Кафка. Они поднимаются к вершине. С ними их друзья и толпа незнакомцев. Все они бодро взбираются по склонам, изредка останавливаясь, чтобы посмотреть по сторонам и окликнуть друг друга. Чем выше, тем холоднее. Вершина горы в снегу. У скалолазов покраснели щеки. Воздух, выдохнутый из легких, тут же превращается в пар. Но холод только бодрит альпинистов. И голоса их звучат все громче и веселее.

ПОСЫЛКА

руки Папы

Папа, у тебя красивые руки. Ни у кого я не видел таких рук. Я влюбился в твои руки – руки, отягощенные благословениями. Ты совершенен. И руки твои совершенны. О, Папа! Ты – пылающая звезда, белый карлик в пурпурной мантии. Позволь мне поцеловать каждый из твоих пальцев. Не бойся – я не причиню им вреда.

великий стиль

эталонное Да лежащее на виду у всех
и безразличное ко всякому взгляду

застать врасплох

Ницше знал, как застать себя врасплох, и потому писал неплохие книги.

посылка

На Рождество Ницше получил неожиданный подарок – полные собрания Ранке, Кафки, Рильке и Деррида: некий книгочей из Берлина отправил эти книги другому книгочею в Геную, и посылка случайно попала во временной вихрь.

три филистера

три филистера

если бы Давид Штраус,
Эудард фон Гартман
и Фридрих Ницше
встретились где-нибудь
на Унтер-ден-Линден,
это была бы встреча
трех веселых филистеров,
из которых третий
(без бороды,
но с большими усами)
признался бы двум первым
(гладко выбритому
и бородачу),
что когда-то смотрел
на происходящее в мире
неправильно –
тосковал по чему-то великому
и напрасно чурался
филистерства:
«я упирался, но история
все равно притащила

меня сюда,
на эту аллею.
я теперь такой же, как вы,
друзья. я излечился:
пью пиво, болею за “Байер”,
летом езжу отдыхать
в Испанию
и надеюсь, что Шумахер
как-нибудь выкарабкается.
а ведь раньше
меня бы это нисколько
не волновало –
ни футбол, ни Шумахер,
ни летний отдых в Испании.
тогда я был болен,
а теперь все иначе.
мне только что сделали
томографию –
результаты сверх ожиданий!
я записался на марафон,
собираюсь участвовать
в любительских
велогонках.
как я рад, что влился
в мировой процесс,
что история не оставила
меня на обочине!
самый правильный способ
существования –
это жизнь en masse, –

так говорил Уолт Уитмен –
вы, конечно, слышали
о таком американском
филистере? я уже перевел
“Листья травы”
на немецкий и подыскиваю
литературного агента.
увы, приходится зарабатывать
литературным трудом –
пенсия мне больше
не полагается.
но я не расстраиваюсь –
быть здоровым гораздо важнее:
тогда все видишь
в правильном свете.
похоже, что и ваше здоровье
под стать моему.
друзья, позвольте я вас
обниму!»

почему Ницше плакал

на одной из страниц прустовского романа
я неожиданно встретил Ницше
глаза его были полны слез
он прошел мимо

не ответив на мой поклон
«есть сотни причин по которым Ницше
может плакать» подумал я
«может быть он плачет сочиняя
новую речь Заратустры»
«нет» сказал подошедший Пруст
«он действительно работал
над “Заратустрой”
но прервался на полуслове услышав
печальную новость и теперь
спешит к другу чтобы рассказать ему
о пожаре в Лувре»

три мушкетера в ожидании Кафки

вот три мушкетера – Уитмен, Басё и Ницше.
не хватает четвертого –
недавно приехавшего из Праги Кафки.
он занят: в своей комнатке на втором этаже
он что-то пишет.

Кафка снимает комнату у чиновника
какого-то департамента.
у этого чиновника есть юная дочь, –
ее зовут то ли Фелиция, то ли Констанца, –

и Кафка влюблен в нее
с того дня, как занял эти апартаменты.

сейчас поздний вечер, и он пишет девице
письмо, где хочет объяснить ей
свои сложные чувства.

а три мушкетера – Уитмен, Ницше, Басё, –
ждут его у монастыря Дешо,
и вид у них, если приглядеться,
грустный.

обезьяна Ницше

своей «обезьяной» назвал меня
отшельник из Сильс-Мариин.
похоже, так оно и есть.
мне нравится ходить с ним
по холмам, вдоль ручьев
и вокруг озера,
нравится подражать
его выговору.
я заказал себе круглые очки
с простыми стеклами,
чтобы еще больше походить
на него.

он терпит меня
и даже разговаривает со мной.
большого и не нужно.
я доволен тем, что вижу его,
слышу его голос,
несу его записную книжку,
корзинку со снедью,
чиню для него карандаши,
а когда он падает,
споткнувшись о корень,
помогаю ему подняться.

реальность и крик

реальность и крик

Что такое познание? Отгадывание кроссворда, который ты сам же и составил. Удобный способ отвлечься от тягот жизни. Однако это занятие связано с ложью, самообманом: приходится делать вид, что ты нашел этот кроссворд на каком-то развлекательном сайте, и даже более того – что этот кроссворд составлен не человеком, а сложился сам собой, что он, по сути, и не кроссворд, а сама реальность. Но тот, кому противна ложь, кто ненавидит самообман, тот предпочтет кричать от боли и ужаса, но не заниматься псевдо-головоломками. Если что-то и связывает человека с реальностью, то это крик.

речь и молчание

Ницше пытается говорить с людьми. Но они не узнают в нем самих себя. Его речи им непонятны. Тогда Ницше идет к животным, птицам, рыбам и говорит с ними. Но животные,

птицы, рыбы не понимают его и ничего ему не отвечают. В отчаянии Ницше обращается к цветам и деревьям – напрасно. Он решает, что его единственными собеседниками с этого дня будут горы. Но горы встречают его молчанием. И тогда Ницше замыкается в самом себе. Он говорит только с самим собой и вдруг замечает, что чужд самому себе так же, как и всему остальному миру. Остается лишь замолчать, и Ницше замолкает. Умолкнув, он обретает покой. Наконец-то он чувствует себя в единстве с самим собой. Сказать так, наверное, не совсем правильно – ведь единение предполагает разделение, а Ницше не чувствует себя разделенным. Речь разделяет – вот что он понимает, замолчав. Все дело в речи – тот, кто говорит, отчуждается от самого себя.

post mortem

Однажды я был в таком отчаянии, что решил: буду считать, что я умер, и моя жизнь – это как бы посмертный эксперимент; любопытно будет узнать, что из нее получилось бы, если бы я остался жить. Так я превратил себя в «опытную станцию», но, в отличие от Ницше, не производил на ней никаких рискованных опытов: я просто не понимал, что такое рискованный опыт, и то, на что я отваживался, Ницше показалось бы ребячеством – воровством в чужом саду, поджиганием автомобильных покрышек или стогов. Вскоре я убедился, что решение покончить с собой было правильным.

Это меня успокоило, и остаток жизни я прожил безмятежно, в согласии с самим собой.

богатый ассортимент

Ницше останавливается, заметив витрину с надписью: «Смотреть на мир можно только через розовые очки». Он заходит в лавку и спрашивает, нет ли в продаже черных очков. «Конечно, синьор, – отвечает продавец. – У нас богатый выбор солнечных очков». – «На солнце я привык смотреть без очков, – говорит Ницше. – Очки нужны мне, чтобы читать свои рукописи, – в них отчетливее видишь недостатки стиля».

примечания

костер в октябре

костер в октябре. «Еще я часто развожу перед собой большой костер». – Ф. Ницше. Письмо Г. Кезелицу от 10 октября 1886.

Фридриху Ницше и его записной книжке. По мотивам заметок Ницше (Memorabilia, 1878 г.).

слова в движении. «Речи об искусстве с напыщенностью жестов для меня не соединимы: я хочу говорить о нем, как говорю с самим собой во время вольных одиноких прогулок, когда мне случается схватить на лету и увлечь в свою жизнь преступное счастье и идеал». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Начало 1888, 14[1].

под ореховым деревом. «Под ореховым деревом, как под родной крышей, совсем по-домашнему». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Весна – лето 1878, 28[60].

солдат пуля сумерки. «Солдат, пуля, сумерки» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Июль 1879, 41[27].

великий разрыв

великий разрыв. «Великий разрыв происходит для таких связанных людей внезапно, как подземный толчок: юная душа сотрясается, отрывается, вырывается – она сама не понимает, что с ней происходит. Ее влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что бы то ни стало; горячее опасное любопытство по неоткрытому миру пламенеет и пылает во всех ее чувствах. “Лучше умереть, чем жить

здесь” – так звучит повелительный голос и соблазн: и это “здесь”, это “дома” есть все, что она любила доселе!» – Ф. Ницше. Предисловие к «Человеческому, слишком человеческому». 3.

счастье и познание. «Философия отошла от науки, когда поставила вопрос: каково то познание мира и жизни, обладающая которым человек ведет наиболее счастливую жизнь? Произошло это в сократических школах: точка зрения *счастья* закупила кровотока научного исследования – она делает это и по сей день». – Ф. Ницше. «Человеческое, слишком человеческое». 7.

о боли. «Смотри, как все устроено для мастерской созидающих душ: все, что *необходимо* созидающим душам, здесь в *избытке* – и **боль** тоже». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. 1883, 23[8].

взламывая лед

молчаливый. «Я на все это молчал; молчание – тоже ответ, и пусть они видят, что в Пфурте я научился молчать». – Ф. Ницше. Автобиографические материалы. 7 августа 1859.

взламывая лед. «Разве, занимаясь исследованиями, мы ищем покоя, мира, счастья? Нет – только истины, даже если она окажется в высшей степени пугающей и безобразной». – Ф. Ницше. Письмо Элизабет Ницше. 11 июня 1865. «Эреб» (точнее, «Эребус») – один из двух кораблей, участвовавших в «исчезнувшей экспедиции» Джона Франклина. Эреб, согласно древнегреческой мифологии, – брат Ночи.

единственный мир. «С этой точки зрения реальность становления признается единственной реальностью и воспрещаются всякого рода окольные пути к скрытым мирам и ложным божествам – но с другой стороны этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым...» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 12.

видеть невидимое. «Подняться так высоко, как поднимается мыслитель, в чистую атмосферу Альп и снегов, туда, где нет уже туманов и завес и где основная сущность вещей выражается в резких и застывших формах, но с совершенной понятностью!» – Ф. Ницше. «Шопенгауэр как воспитатель». 5.

совершенный нигилист

совершенный нигилист. «Совершенный нигилист. – Глаз нигилиста идеализирует в сторону безобразия, творит предательство по отношению к собственным воспоминаниям...» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 21.

тирания слабых. «Низший вид («стадо», «масса», «общество») разучился скромности и раздувает свои потребности до размеров космических и метафизических ценностей. Этим вся жизнь вульгаризируется: поскольку властвует именно масса, она тиранизирует исключения из нее, так что эти последние теряют веру в себя и становятся нигилистами». – Ф. Ницше. «Воля к власти». 27.

способы одурманить себя. «Способы одурманивать себя. – В глубине сердца не знать, где исход? Пустота... мистика... искусство «ради него самого», «чистое познание» как нар-

котика против отвращения к самому себе, кое-какая постоянная работа, *какой-нибудь* маленький глупый фанатизм...» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 29.

слово сильного. «Все, что делается в состоянии слабости, терпит неудачу». – Ф. Ницше. «Воля к власти». 45.

власть истощенных. «Когда истощенный выступал с видом высшей активности и энергии (в моменты, когда вырождение вызывало эксцесс духовного или нервного разряджения), тогда его смешивали с богатым...» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 48.

Король Гидора – механическое чудовище, персонаж фильмов о Годзилле. Некромонгеры – воинственная раса «живых мертвецов» из фильма «Хроники Риддика» (2004).

неудачные люди. «Вот *симптомы* этого саморазрушения неудачников: самовивисекция, отравление, опьянение, романтика, – и прежде всего – инстинктивное побуждение к поступкам, вызывающим *смертельную вражду* со стороны имеющих власть (как бы воспитание себе самому палачей)...» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 55.

время бедных. «Наше время, с его стремлением как-нибудь помочь случайным нуждам, предупредить их и вообще своевременно устранить неприятные возможности, есть *время бедных*». – Ф. Ницше. «Воля к власти». 61.

нигилистическая катастрофа. «Этой буддийской культуре положит конец *нигилистическая катастрофа*» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 64.

в ожидании Гулливера

обесцененный мир. «Теперь когда выясняется низменный источник этих ценностей, тем самым и вселенная представляется нам обесцененной, „бесмысленной“...» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 7.

разочарование в цели. «...разочарование в кажущейся цели становления как причина нигилизма...» – Ф. Ницше. «Воля к власти». 12.

снятые чары. «Результат: вера в категории разума есть причина нигилизма, – мы измеряли ценность мира категориями, которые относятся к чисто вымышленному миру». – «Если нам удастся обесценить эти три категории, то доказанная неприложимость их к целому перестанет быть основанием к тому, чтобы обесценивать это целое». – Ф. Ницше. «Воля к власти». 12.

да и нет. «Мне посчастливилось, после целых тысячелетий заблуждений и путаницы, снова найти дорогу, ведущую к некоторому *да* и некоторому *нет*. Я учу говорить *нет* всему, что ослабляет, – что истощает. Я учу говорить *да* всему, что усиливает, что накапливает силы, что оправдывает чувство силы». – Ф. Ницше. «Воля к власти». 54.

в ожидании Гулливера. «Чувствительность несказанно обострена (под моралистическими прикрасами: увеличение сострадания)...». – Ф. Ницше. «Воля к власти». 71.

стадия хризалиды

все превосходно. «Что здесь в Турине необычно, так это полное восхищение, которое я вызываю, хотя я непритязательнейший человек, и мне ничего такого не нужно» – Ф. Ницше. Письмо Ф. Овербеку (Рождество 1888). Ницше впал в безумие 3 января 1889 г. на площади Карла Альберта в Турине.

приветлив со всеми. «Со всеми приветлив, даже с травами». – Ницше. Черновики и наброски. Осень 1884, 28 [33].

близко к морю и еще ближе к лесу. «...близко к морю и еще ближе к лесу живу я». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Май – июнь 1883, 9[32].

стадия хризалиды. «...я должен буду полностью уйти в самого себя... Никаких переживаний, ничего извне, ничего нового...» – Ф. Ницше. Письмо Ф. Овербеку. 30 августа 1887.

одинокий в поисках уединения. «С самого детства я искал уединения и лучше всего чувствовал себя там, где без помех мог оставаться наедине с собой». – Ф. Ницше. «Из моей жизни» // «Автобиографические материалы 1856–1868».

вынужденная роскошь. «Садик, смоквы, немного сыру и три-четыре хороших друга – вот и вся роскошь для Эпикура». – Ф. Ницше. «Странник и его тень». 192.

спрятанный бог

Solar Impulse. «Живешь уже вне оков любви и ненависти, вне “да” и “нет”, добровольно близким и добровольно далеким, охотнее всего улетаю снова прочь, снова вверх;

чувствуешь себя избалованным, подобно всякому, кто видел *под* собой огромное множество вещей, – и становишься антиподом тех, кто заботится о вещах, которые его не касаются. И действительно, свободного ума касаются теперь вещи, – и как много вещей! – которые его уже *не заботят...*» – Ф. Ницше. Предисловие к книге «Человеческое, слишком человеческое». 4.

Solar Impulse – самолет на солнечных батареях (точнее, компания, производящая такие самолеты).

расчетливое гостеприимство. «У кого нет решимости на то, чтобы его самого и его труд признали скучными, тот, безусловно, не принадлежит к умам первого ранга, будь то в искусствах или науках. – Какой-нибудь насмешник, который в виде исключения оказался бы заодно и мыслителем, мог бы добавить относительно мира и истории в целом: “У Бога такой решимости не было; он хотел сотворить все вещи слишком интересными – и сотворил”». – Ф. Ницше. «Пестрые мнения и изречения». 25.

два одиночества. «В виде награды за пресыщение, отращивание, скуку, которые невольно несет с собою одиночество без друзей, книг, обязанностей и страстей, человеку на какие-нибудь четверть часа дается иногда полное погружение в себя и природу». – «Безразличие великих природных явлений (в горах, на море, в лесу и пустыне) нам нравится, но лишь ненадолго: вскоре мы начинаем испытывать раздражение. “Неужто все эти явления не хотят нам ничего сказать? Неужто мы для них не существуем?”» – Ф. Ницше. «Странник и его тень». 200, 205.

взгляды, обращенные на тебя. «Идешь по переулкам и думаешь, что каждый взгляд предназначен тебе...» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Весна–осень 1881, II [10].

спрятанный бог. «Во Флоренции я нанес неожиданный визит местному астроному в его обсерватории, из которой открывается замечательный вид на весь город и долину с рекой. Подумать только, рядом с рабочим столом у него лежали порядком уже зачитанные книги вашего друга, и этот совершенно седой старик с воодушевлением цитировал места из “Человеческого, слишком человеческого”». – Ф. Ницше. Письмо Рейнхарту и Ирине Зайдлиц. 24 ноября 1885.

участь Диониса

привычка чувствовать себя лилипутом. «Некоторые люди настолько привыкли быть наедине с собою, что вообще не сравнивают себя с другими, а спокойно и радостно продолжают строить свою монологическую жизнь, ведя с собою мирные разговоры, даже смеясь. А если надоумить их сравнить себя с другими, то они склонны с сомнениями недооценивать себя: поэтому их надо принуждать к тому, чтобы они впервые узнали хорошее, справедливое мнение о себе от других: но они неизменно будут стремиться вычестить что-нибудь даже из этого усвоенного мнения, умалить его». – Ф. Ницше. «Человеческое, слишком человеческое». 625.

философия ночи. «... ночь соблазняет к смерти. Если бы у людей не было солнца, и они боролись бы с ночью лун-

ным светом и ламповым маслом, то что за философия окутала бы их своим покрывалом!» – Ф. Ницше. «Странник и его тень». 8.

падение. «...люди как будто говорят – мы призваны приносить пользу и служить себе подобным, так же и сосед, и сосед соседа; таким образом каждый служит другому, никто не призван быть на этом свете ради себя, но всегда – ради других...» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Март 1875, 3[64].

есть вещи важнее. «Художественное произведение не является нашей насущной потребностью, а вот чистый воздух и равновесие в голове и в характере является естественной жизненной необходимостью... Если же художнику... чтобы оплодотворить свою фантазию, нужно забраться в пещеры и преддверия ада, прекрасно – но мы не последуем за ним». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Лето 1880, 4[279].

элегантность прежде всего. «Страшно подумать, что, когда немцам говорят о недостатке у них культуры, они слышат в этом упрек в недостатке элегантности». – «...до тех пор, пока искусство выступает как вопрос вкуса, оно остается делом пустым и презренным и ничего не может дать тому, кто действует всерьез и страдает всерьез». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Весна – лето 1874, 35[7, 12].

вступиться за лошадь. «Как бы все это выглядело без всех этих возвышенных заблуждений о человеке? Я думаю, по-зверски. Представим себе животное, наделенное знанием строгой науки; оно не стало бы человеком, но в целом продолжало бы жить как животное, разве что в часы продолжительного досуга, например, как лошадь в стойле,

могло бы читать хорошие книги, которые давали бы ему понять, что истина и животное годятся друг для друга». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Конец 1876 – лето 1877, 23[21].

усы Ницше. «Более всего, по-моему, он [Сократ] похож на тех силенов, какие бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силену, то внутри у него оказываются изваяния богов». – Платон. «Пир».

дела и вера

дела и вера. «Прежде всего и сначала – дела! А это значит – тренировка, тренировка, тренировка! Потребная для этого “вера” уж как-нибудь появится – в этом будьте уверены!» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. I, 22 («Дела и вера»).

планета Глизе 667 Сс. «Между тем эта проблема еще даже и не ставилась – в какой мере человечество как целое способно на шаги, движущие познание вперед; не говоря уже о том, какая тяга к познанию могла бы увлечь человечество так далеко, чтобы оно принесло себя в жертву, дабы умереть со светом какой-то вырванной у будущего мудрости в глазах. Быть может, если когда-нибудь целью познания станет братание с обитателями иных светил и в течение нескольких тысячелетий знание будет переходить от звезды к звезде, – быть может, тогда воодушевленное познание достигнет такой высоты прилива!» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. I, 45.

вечерний разговор. «Новое исходное ощущение: наша окончательная брэнность». – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 1, 49. – «Вызывающая изумление мерзость американской жизни (во всех новеллах Брет Гарта), зато они умеют смеяться и во всем сохраняют наивность и удаль. Даже мошенничество приобретает у них совершенную форму, а соседство дикости, револьверной стрельбы и морских пейзажей придает крепкий аромат». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Конец 1880, 7[100]. – «Слушайте, а какого вы мнения о Рингельнаце? – Великолепно пишет». – Э. Хемингуэй. «Зеленые холмы Африки». Гл. 1.

препятствия на пути. «Прежде пытались обрести ощущение величия человеческого рода, указывая на его божественное происхождение: нынче этот путь перекрыт, ведь у его порога стоит обезьяна (вкуче с иным мерзким зверьем) и понимающе скалит зубы, как бы говоря: “В этом направлении дальше ходу нет!” И вот теперь предпринимается попытка идти в противоположном направлении: а путь, по которому идет человечество, должен служить доказательством его величия и родства с божественным началом. Увы, и тут ничего не выходит! В конце этого пути стоит урна с прахом последнего человека и могильщика...» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 1, 49.

львы и панды. «Если беседа в обществе протекала спокойно, он [Наполеон] одним повелительным словом вдруг резко менял ее тон и ставил собеседника на место по отношению к себе, то есть в состояние страха». – «Для того, чтобы индивидуум выявился во всем своем блеске, необходима враждебность, наличие всех злых аффектов». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Осень 1880, 6[98, 153].

цветы и власть. «Радость при виде прекрасных садов и зданий, питаемая мыслью, что есть люди, у которых хватает времени для такого рода любви, и что у меня этих садов и домов нет, – это радость вдвойне!» – «Ваша жизнь отделена от проезжей дороги высокой садовой оградой, и когда из ваших садов повеет ароматом роз, пусть сердца других наполнятся тоской». – «Независимость есть отречение властолюбцев, которым не дано властвовать ни над кем, кроме самих себя. Здесь вызревает величайшая жажда власти, ведь мы можем таким образом расширяться до бесконечности и распространять свою власть и могущество на эту бесконечность». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Конец 1880, 7[193, 252, 13].

дурные привычки. «...чтобы не толкаться среди жадно чавкающего сброда, есть самые простые блюда, желательно, приготовленные тобою самим или не требующие приготовления». – «Я не выношу близости харкающего человека» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Конец 1880, 7[94], весна 1880 – лето 1881, 10[В40].

лучшие садоводы. «Погибнуть не без следа. – Не вдруг, а малопомалу дробятся, рассыпаются наши способности, достигнутое нами величие; мелкая растительность, прорастающая в любых щелях, умеющая зацепиться за что угодно, разрушает все, что в нас есть великого, – эта ежедневная, ежечасная неприметная убогость нашего окружения, тысячи корешков того или другого мелкого и мелочного чувства, вырастающего из отношений с соседями, сослуживцами, приятелями, из нашего распорядка дня. Если не замечать эти мелкие сорняки, мы незаметно начинаем гибнуть от них! – А если уж вы непременно хотите погиб-

нуть, то лучше сделайте это *одним махом*, внезапно: тогда, может быть, от вас останутся *благородные развалины!* А не пугающие холмики над кротовыми норками, как сейчас!» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн.5, 435.

наслаждение утонченного. «...взгляд охватывает морские просторы и уносится вдаль, туда, за скалистый берег, освещенный солнцем, в свете его лучей резвятся большие и малые звери, легки и спокойны их движения, так же легок и спокоен этот свет и этот взор. Такое счастье мог придумать только человек, обреченный на вечные страдания...» – Ф. Ницше. «Веселая наука». 45.

повторение. «Представь себе – однажды днем или, быть может, ночью тебя в твоём уединеннейшем уединении неожиданно посетил бы злой дух и сказал бы тебе: “Эту жизнь, которой ты сейчас живешь и жил доньше, тебе придется прожить еще раз, а потом еще и еще, до бесконечности; и в ней не будет ничего нового...” Разве ты не рухнул бы под тяжестью этих слов, не проклинал бы, скрежеща зубами, злого духа?» – Ф. Ницше. «Веселая наука». 341.

Ницше уходит. Первое издание «Так говорил Заратустра» (1883) было опубликовано в Хемнице.

в своем кругу

приглашение на концерт. «...их главное желание не познавать любой ценой, а во что бы то ни стало пропеть свою песню». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Весна 1880, 3[136].

отвергнутое предложение. «Трудно жить, не сообщая страдания другому, – так что мы должны пользоваться возможностью и проводить жизнь в одиночестве». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Осень 1880, 6[380].

неизвестный Ницше. «Сам человек, в окружающем его пространстве протяженностью в 5 футов, является произвольным допущением, построенным на несовершенстве его органов чувств». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Осень 1880, 6[439].

«Мы видим предметы так, как позволяет наше восприятие, и совершенно не постигаем их абсолютную природу». – Г. Лавкрафт. «Из потустороннего мира».

круг общения. «...никакого общества, кроме высших умов и время от времени простого люда, – это так же необходимо, как наблюдение за сильными, здоровыми растениями...» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Конец 1880, 7[95].

Ницше рекомендует. «...не являются ли кофе или алкоголь ядами, которые при регулярном потреблении, как это заведено, через 2000 лет уничтожат человечество?» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Весна-осень 1881, 11[45].

никаких исключений. «Сегодня каждый, кажется, испытывает блаженство, слыша, что общество намерено приспособить отдельного индивида к всеобщим потребностям и что счастье и в то же время жертва индивида состоят в том, чтобы ощущать себя полезным членом и инструментом целого...» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 2, 132.

одиночество бесстрашных. «Человек боязливый не знает, что такое одиночество: за его стулом всегда стоит враг». – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 4, 249.

доверие к музыке. «Злые и музыка. – Неужто все блаженство любви, состоящее в безусловном доверии, может когда-либо выпасть на долю иных людей, чем глубоко недоверчивых, злых и желчных?.. Каждый любящий, слушая музыку, думает: “Она говорит обо мне, она говорит вместо меня, она знает все!”». – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 4, 216.

видимость обманчива. «...человек милейший и справедливейший, если он только носит толстые усы, вполне может оказаться, и надежно оказаться, словно бы в их тени – дюжинные глаза увидят в нем лишь принадлежность толстых усов, иначе говоря, солдатский, склонный к вспыльчивости, а то даже и к насилию характер...» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 4, 381.

выбор Ахилла. «Это было бы доводом в пользу долгой жизни!» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 5, 449.

«Как полагает Уоткинс, в данном тексте присутствует намек на то, что он называет “проблемой выбора Ахилла” – т.е. долгая жизнь, но бесславная смерть или жизнь короткая, но отмеченная славной гибелью...» – Т.А. Михайлова. «О славе неувядающей» // Слово в перспективе литературной эволюции. М., 2004.

вечер на бивуаке. «... надо уметь иногда отдыхать от нее [истины] в неистине – иначе она станет для нас скучной, вялой и пресной, да и нас самих сделает такими же». – Ф. Ницше. «Утренняя заря», Кн. 5, 507.

«“За 8 месяцев я убил 26 фрицев”... Через два года количество убитых фрицев резко увеличилось... он [Хемингуэй] написал генералу Дорману-О’Говэну... что убил...»

122 человека». – М. Чертанов. «Хемингуэй». М.: Молодая гвардия, 2010. С. 386.

благородная зависть. «...люди хоронили и хоронят самое драгоценное, свои мысли и надежды, а за это обретали и обретают гордость, gloria mundi, иными словами, пышность некролога». – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 5, 520.

«Что чувствует человек, когда читает некролог о самом себе?» – Э. Хемингуэй. «Рождественский подарок».

человек тени. «Так вы еще никогда не встречали...тех, что бегут известности, неизменно стирая свои следы на песке, тех, что даже играют роль обманщиков и перед другими, и перед собою, лишь бы остаться в тени?» – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 5, 527.

«Ну хорошо, друзья мои, а теперь скажите, что не так в следующей фразе: “Голос ее был прекрасен, словно Пабло Казальс, играющий на виолончели”»? – Дж. Барнс. «Посвящается Хемингуэю» // Дж. Барнс. «За окном». М.: Эксмо, 2013. – «O.K., all of you, now tell me what’s wrong with the following line: ‘Her voice was so lovely and it always reminded him of Pablo Casals playing the cello’». – J. Barnes. Note to Hemingway. The New Yorker. July 4, 2011.

лучшее лекарство. «Какое лекарство действует сильнее всех? – Победа». – Ф. Ницше. «Утренняя заря». Кн. 5, 571.

все бесполезно. «Мой друг, чтоб мир переварить // Во всех его опасных блюдах, // Решись, ты должен вмиг и чудом // Одну лишь жабу проглотить». – Ф. Ницше. «Лекарство для пессимиста» // «Веселая наука». Пер. К. Свасьяна. «Тогда змея заползла ему в глотку – и впилась в нее». – Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра» (Ч. 3. «О видении и загадке»).

апология. «Оставим ему все его интеллектуальные причуды и судорожные метания и попытаемся спокойно, без предубеждения разобраться в том, какое, пусть даже диковинное, питание, какие потребности вправе иметь такое искусство». – Ф. Ницше. «Веселая наука». 99.

танец. «Реальный взгляд на действительность... был бы равносильно самоубийству...самое подходящее для нас – шутовской колпак...». – Ф. Ницше. «Веселая наука». 107.

прощальный салют. «Разве вы не слышали шума – это могильщики готовят могилу Богу? Разве не доносится до нас запах божественного тления?.. Бог умер навсегда! И убили его – мы!» – Ф. Ницше. «Веселая наука». 125.

в своем кругу. «Всегда в своем кругу. Все, что мне близко по духу – в природе, в истории, – вызывает ко мне, восхваляет меня, влечет вперед, утешает меня – все другое я просто не слышу или тут же забываю. Мы часто ограничиваемся своим кругом». – Ф. Ницше. «Веселая наука». 166.

восхищаться и презирать. «Разве возможно неизменное восхищение, не подкрепленное неизменным презрением?» – Ф. Ницше. «Веселая наука». 213.

вилла на берегу. «Никогда я не надумаю строить себе дом (таково мое представление о счастье – не быть домовладельцем). Но если бы мне пришлось это делать, то я, подобно некоторым римлянам, построил бы его у самого-самого моря – чтобы немножко посекретничать с этим чудесным чудищем!» – Ф. Ницше. «Веселая наука». 240.

отмена полета. «И только мы, мы, которые умеем придавать осмысленность ощущениям, только мы беспрестанно действительно что-то создаем – мы создаем целый мир, который будет вечно расти, мир, в котором найдется место

оценкам, всему красочному и значительному, перспективам и разным иерархиям, утверждениям и отрицаниям. И это наше творение разойдется по рукам, его будут разучивать денно и ночью так называемые действующие лица (то есть наши актеры), они будут играть эту пьесу снова и снова, пока она не станет плотью и кровью и даже самой действительностью». – Ф. Ницше. «Веселая наука». 301.

время для смеха. «У человека, у этого милого хитреца, явно портится настроение всякий раз, когда он хорошенько подумает и решит: “Я становлюсь серьезным” и “где смех и веселье, там нет места мысли”, – с таким предубеждением относится этот умник ко всей “веселой науке”. Ну что ж! Покажем, что это всего-навсего предрассудок!» – Ф. Ницше. «Веселая наука». 327.

скверные времена. «... так как рынок непомерно разросся, – добиться чего-то здесь можно только криком. И вот все надрываются, кричат, но даже луженым глоткам это оказывается не под силу, в результате даже лучшие товары расхваливаются на все лады какими-то осипшими головами... Да, для мыслителя настали скверные времена: ему придется научиться среди всего этого шума и гама находить тишину и притворяться глухим до тех пор, пока действительно не оглохнет». – «В жизни каждого философа, наверное, бывали тяжелые минуты, когда он думал: какой же во мне толк...» – Ф. Ницше. «Веселая наука». 331, 332.

странное предположение. «...мы входим... после того, как мы уже умерли. Последнее есть фокус посмертников par excellence». – Ф. Ницше. «Веселая наука». 365 (пер. К. Свасьяна). – «...только после смерти для нас начинается наша

настоящая жизнь... Мы – homo post humus [букв.: человек после погребения]». – Ф. Ницше. «Веселая наука». 365 (пер. М. Кореневой).

Истории о «мертвых конфедератах» – часть американского фольклора. «В электрическом тумане с мертвым конфедератом» – роман Дж. Л. Берка (1993). «Мертвый конфедерат» – рок-группа.

Александр Лернет-Холения (1897–1976) – австрийский писатель, автор новеллы «Барон Багге» (1936).

смех издалека

беглецы. «Ускользнул из всех тюрем (брак, должность, местность и т. д.)» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Осень 1884, 28 [32].

приближается неизвестный

приближается неизвестный. «...животное работает неистово, оно с такой быстротой продирается сквозь землю, с какой гуляющий идет по пустынной аллее...» – Ф. Кафка. «Нора».

«В этой книге вы застанете за работой “подземщика”, того, кто вгрызается, роет, подрывает... я начал подрываться под *доверие к морали*». – Ф. Ницше. Предисловие к «Утренней заре».

альпинисты. «Все вместе мы взбираемся на свою гору и не хотим добираться до вершины поодиночке!» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Осень 1880, 6 [322].

«Сколько их, и все они прижимаются друг к другу, сколько рук, и все они переплелись, сплотились вместе, сколько ног, и все они топчутся вплотную одна к другой. Само собой, все во фраках. Вот так мы и идем. Ветер пробирается всюду, где только между нами осталась щелочка. В горах дышится так свободно!» – Ф. Кафка. «Прогулка в горы».

ПОСЫЛКА

руки Папы. «К папе: у тебя красивые руки». – Ф. Ницше. Черновики и наброски 1884–1885.

великий стиль. «Власть, которой уже не нужны подтверждения, которая пренебрегает тем, чтобы нравиться; которая с трудом отвечает; которая не чувствует рядом с собой свидетелей; которая живет без тени сознания того, что ей могут противоречить; которая покоится в себе, фаталистичная, закон из законов: *вот что* заявляет о себе как великий стиль». – Ф. Ницше. «Набеги Несвоевременного» // «Сумерки идолов».

застать врасплох. «Кто хочет видеть, каков он на самом деле, должен научиться *заставать себя врасплох...*» – Ф. Ницше. «Странник и его тень». 316.

посылка. «Приобрести и выменять книги. Историков, например, всего Ранке... Греко-римских классиков, например, Аристотеля... Шопенгауэра...» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Весна 1875, 4 [1].

«Один из фрегандцев с документами на имя Вевера заказал этот набор через хронодромы, которые от такой необычной нагрузки расстроились настолько, что их нельзя было карнупликировать. Поэтому вы и получили посылку вместо него». – У. Тенн. «Игра для детей».

три филистера

три филистера. en masse (*франц.*) – все вместе.

почему Ницше плакал. «...что я думаю о дружбе: на мой взгляд, это что-то до такой степени ничтожное, что мне просто непонятна наивность людей неглупых, вроде Ницше, усматривающих в ней определенную интеллектуальную ценность... меня всегда удивлял этот человек... видевший какой-то смысл в том, чтобы бросить работу, пойти к другу и вместе с ним поплакать, потому что до них донесся слух – впоследствии оказавшийся ложным – о пожаре в Лувре». – М. Пруст. «У Германтов».

обезьяна Ницше. «Это был тот самый шут, которого народ называл “обезьяной Заратустры”...» – Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра». Ч. 3. «О прохождении мимо». («По мнению Наумана, речь идет о Е. Дюринге» – К. Свасьян.)

реальность и крик

реальность и крик. «В то время как человек, руководимый понятиями и абстракциями... ищет хоть какой-нибудь свободы от боли, – человек интуиции... страдает сильнее...

И тогда, в страдании... он громко кричит и ничем не утешается». – Ф. Ницше. «Об истине и лжи во вненравственном смысле».

речь и молчание. «Говорить – это, по существу, задавать вопрос другому человеку о том, общая ли у него со мною душа... Чем меньше узнает он себя в другом, тем больше умолкает...» – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Конец 1874, 37[6]. – «Безразличие великих природных явлений (в горах, на море, в лесу и пустыне) нам нравится, но лишь ненадолго: вскоре мы начинаем испытывать раздражение. “Неужто все эти явления не хотят *нам* ничего сказать? Неужто *мы* для них не существуем?”» – Ф. Ницше. «Странник и его тень». 205.

post mortem. «Испытательные станции человечества». – Ф. Ницше. Черновики и наброски. Начало 1880, 1[38].
post mortem (*лат.*) – после смерти.

Владимир Константинович Ермолаев
Семь дней с Заратустрой

Дизайн и верстка И. Бернштейн
Редактор И. Эбаноидзе

Подписано в печать 30.04.2016. Формат 70×100/32.
Гарнитура CharterС, FranklinGothicС. Печ. л. 4,375.
Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Культурная Революция»
адрес Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б
телефон (499) 9731662
e-mail editor@kultrev.ru